Ив. Крылов

2е издан

См СК т 4

N 209

Журнал Ивана Кры-

лова 2е издан

Смирнов-Сокольский

N 1946

N 101 a
C12

1891

ПОЧТА
ДУХОВЪ,

или

Ученая, Нравственная и Критическая переписка Арабскаго Философа *Маликулъмулька* съ водяными, воздушными и подземными духами.

ЧАСТЬ I.

Съ дозволенія С. П. Б. Ценсуры.

Въ Санктпетербургѣ,
печатано въ Императорской Типографіи,
1802 года.

ГРЕЗИНСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
КОЛЛЕКЦИЯ РЕДКИХ КНИГ
Инв.№ 1853/1

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Секрстарь не давно пріѣхавшаго слода Арабскаго волшебника Маликульмулька, *имѣющаго великое отвращеніе къ бѣшенымъ домамъ, и расположившагося нѣсколько времени прожить здѣсь* инкогнито, *симъ объявляетъ, что онъ напечаталъ переписку сего знатнаго въ своемъ родѣ* Господина, *съ водяными, воздушными и подземными духами. Книга сія очень любопытна для тѣхъ, кои не путешествовали подъ водою, подъ землею и по воздуху. Онъ увѣряетъ, что сочинители сихъ писемъ всѣ духи очень знающіе, и что самъ* Маликульмулькъ *человѣкъ пресамолюбивой, которой всегда говоритъ хорошо только о себѣ, отзывается иногда объ нихъ не худо*

и сказываетъ, будто многіе изъ нихъ очень добрые духи; но только иные не любятъ крючкотворцевъ, ростовщиковъ и лицемѣровъ; а иные не жалуютъ щегольства, волокитства и мотовства; и отъ того де они никакъ не могутъ и ужиться въ нынѣшнемъ просвѣщенномъ свѣтѣ видимыми: почему ходятъ въ немъ невидимыми, *и бываютъ иногда такъ дерзски, что въ* самые критическіе *часы посѣщаютъ комнаты щеголихъ, присутствуютъ въ кабинетахъ вельможъ, снимаютъ очень безбожно маски съ лицемѣровъ, и выкрадываютъ иногда очень нахально и противъ всѣхъ правъ общежитія изъ записныхъ книжекъ любовныя письма, тайныя записки, стихи и проч. — Чемъ-де многія дѣлаютъ безпокойства въ любовныхъ интригахъ и плутовствахъ; а потому нѣтъ*

почти ни одной новоприѣзжей на тотъ свѣтъ тѣни, которая бы не подавала на нихъ челобитной Плутону, или бы черезъ него не пересылала ихъ къ Нептуну, не могущимъ однакожь со всею своею властїю унять сихъ шалуновъ. И такъ, Г. Маликульмулькъ бранитъ только сей ихъ поступокъ; однакожь признается, что онъ симъ похищенїямъ и входамъ безъ докладу обязанъ многими весьма любопытными письмами, которыя отъ нихъ получаетъ, и дѣлаетъ благосклонность прочитывать безъ остатку.

Вотъ что объявляетъ Секретарь ученаго, премудраго и богатаго Маликульмулька, и прибавляетъ къ тому, что какъ онъ напечаталъ сїи письма въ долгъ, (ибо де мѣсто Секретаря у ученаго человѣка очень

безприбыльно) то просить почтенную Публику, что бы желающіе имѣть и читать оныя, благоволили присылать деньги за всѣ четыре части 5 руб. въ палкѣ, въ Санктпетербургѣ въ книжную лавку Свѣшникова, подъ No. 3 у Католической церкви.

ОГЛАВЛЕНІЕ ЧАСТИ I.

Стран.

Извѣстіе о сей книгѣ - - - 1

ВСТУПЛЕНІЕ. - - - - - - 1

Письма къ волшебнику Маликулмульку

ПИСЬМО I. Отъ Гнома Зора, о перемѣнѣ произшедшей въ адѣ. - - 21

—— II. Отъ Сильфа Дальновида, о краткости жизни человѣческой, о ненасытномъ ихъ желаніи. - - - - - 29

—— III. Отъ Гнома Буристона, о болѣзни адскихъ судей и о перемѣнахъ Плутонова двора. 43

—— IV. Отъ Сильфа Дальновида, о свойствахъ Мизантроповъ. 53

—— V. Отъ Астарота, о участи бѣднаго Стихотворца. - - 68

—— VI. Отъ Гнома Зора, о вступленіи его въ свѣтъ и въ большой городъ. Замѣчанія о судьяхъ, игрокахъ и о свойствахъ щеголихи. - - 76

—— VII. Отъ Сильфа Дальновида, о разговорѣ молодой золотошвейки съ торговкою модныхъ уборовъ. - - - 89

Стран.

ПИСЬМО VIII. Отъ Сильфа Свѣтовида, о свойствахъ отличающихъ человѣка отъ прочихъ твореній. Сужденіе о наукѣ дворанина живущаго въ деревнѣ и поверженнаго въ роскошь и нѣгу богача. - 101

—— —— IX. Отъ Гнома Зора, о успѣхѣ покупокъ модныхъ нарядовъ. О знакомствѣ его съ Г. *Приятнымъ*, и о участи ученыхъ. - - - - 111

—— —— X. Отъ Сильфа Свѣтовида, о удивительномъ сходствѣ чувствъ, склонностей и поступокъ Пешиметра и обезьяны. - - - - - 135

—— —— XI. Отъ Гнома Зора, о имянинномъ столѣ у купца *Плутарѣза*. Предложенія, о вступленіи въ службу сыну *Плутарѣзову*. Мнѣніе придворнаго о блескѣ, достоинствахъ и о службѣ придворныхъ. - - - - 141

—— —— XII. Отъ Гнома Буристона, о вступленіи его въ судилище островскихъ жителей для избранія судей. - - 163

ВСТУПЛЕНІЕ.

Стужа, дождь и вѣтеръ, соединясь, самый лучшій день изо всей осени дѣлали самымъ несноснымъ для пѣшеходцевъ, и скучнымъ для разъѣзжающихъ въ великолѣпныхъ экипажахъ. Грязь покрывала всѣ мостовыя; но грязь, которая своимъ цвѣтомъ не такъ, какъ Парижская догадливымъ Французамъ, не приносила новой дани намъ отъ Европы; а дѣлала только му́ку щеголямъ, у которыхъ, какъ будто въ насмѣшку Парижскимъ и Лондонскимъ модамъ, вѣтръ вырывалъ изъ рукъ *парасоли*, портилъ прическу головъ, и давалъ волю дождю мочить ихъ кафтаны и модныя пуговицы. Всѣ торопились добраться до домовъ, и многіе бранили себя, что понадѣясь на Календарь, вышли въ хорошихъ нарядахъ.

Въ такое-то прекрасное время возвращался я отъ Его Превосходи-

тельства Господина *Пустолоба*, къ которому осьмой мѣсяцъ хожу по одному моему дѣлу, и которой мнѣ во сто пятнадцатой разъ очень учтиво сказалъ, чтобъ я пожаловалъ къ нему завтра. Лестное приказаніе изъ устъ Вельможи, естьли оно говорится во сто пятнадцатой разъ! Что до меня, то я возвращаясь отъ него, бранилъ сквозь зубы его, всѣ дѣла на свѣтѣ, самаго себя, и проклятое *завтра*, для котораго всякой день я долженъ былъ переходить пѣшкомъ добрую Италіянскую милю.

Ненастье умножалось, я былъ бѣденъ, а потому имѣлъ мало знакомыхъ и перепутій; но къ счастію увидѣлъ старой развалившійся деревянной домъ, въ которомъ (почитая его пустымъ) не думалъ никого обезпокоить своимъ посѣщеніемъ: и подлинно это были пустыя хоромы, гдѣ я нашелъ убѣжище отъ дождя; но не нашелъ его отъ безпокойныхъ моихъ мыслей.

Какъ! говорилъ я самъ въ себѣ, есть такіе люди, которые имѣютъ богатой доходъ, великолѣпной домъ, роскошной столъ, за то только, что всякой день нѣсколькимъ моимъ братьямъ бѣднякамъ учтиво говорятъ: *пріидите завтра*, думая имъ этимъ дѣлать великое одолженіе. О! что до меня, то я клянусь, что въ послѣднее имѣлъ честь быть въ прихожей Его Превосходительства. Пусть легковѣрные просители изо всѣхъ улицъ сходятся, или съѣзжаются, на дрожкахъ, въ каретахъ, пѣшкомъ и на костыляхъ, слушать его учтивые *пожалуйте завтра;* а я скорѣе согласпусь умереть съ голоду въ своемъ шалашѣ, нежели замерзнуть въ его прихожей. Лучше имѣть дѣло съ чертями или съ колдунами, нежели съ безполковыми..... Конечно, сказалъ мнѣ нѣкто, естьли ты обѣщаешься мнѣ усердно служить, то увидишь, что колдуны и черти не столь вѣроломны, какъ о нихъ думаютъ, и что,

по крайней мѣрѣ, ни отъ котораго изъ нихъ ты не услышишь по одному дѣлу сто пятнадцать разъ *завтра*.

Я оборотился назадъ, чтобъ увидѣть, отъ кого былъ сей голосъ; но въ какой пришелъ ужасъ, увидя старика съ сѣдою бородою, большаго роста, въ нѣкоторомъ родѣ шапки конической фигуры; въ платьѣ усѣяномъ звѣздами; въ поясѣ, на которомъ изображены были двѣнадцать знаковъ Зодіяка; въ рукахъ онъ имѣлъ трость, которая была очень хорошо свита, по подобію нашихъ модныхъ соломенныхъ тросточекъ, изъ трехъ вѣтвей: изъ черной, красной и зеленой; на шеѣ, какъ щеголеватая красавица, имѣлъ онъ повѣшенной нѣсколько заржавѣлой желѣзной медальонъ на цѣпочкѣ того же металла, которой однакожъ цѣнилъ онъ дороже всѣхъ Европейскихъ медальоновъ вмѣстѣ. По всему этому наряду не трудно было мнѣ догадаться, что это волшебникъ; а испужаться еще легче,

для того, что я съ природы трусливъ, и съ младенчества боюсь чертей, колдуновъ, пьяныхъ подьячихъ, злыхъ Вельможъ, и проч. и проч. и проч. — Милостивый государь! сказалъ я ему, весь въ страхѣ; благодарю васъ за предложеніе, но..... Я вижу, прервалъ онъ, что я тебѣ кажусь нѣсколько непригожъ, и что ты меня боишься. — Признаюсь сударь, отвѣчалъ я ему, что я, въ первой разъ видя вашъ мундиръ, не могу удержаться отъ страха; конечно вы иностранецъ, а можетъ быть и житель того свѣта. — Я *Маликульмулькъ*, отвѣчалъ онъ, и ремесломъ волшебникъ; имя мое извѣстно во всѣхъ трехъ частяхъ свѣта: въ воздухѣ, въ водѣ и въ землѣ; у меня въ нихъ есть довольно пространныя владѣнія, и естьли ты примешь на себя названіе моего Секретаря, то я отвезу тебя въ свой увеселительной домъ, находящійся въ *Харибдѣ*, и оттуда пройдемъ мы богатою под-

земною галлереею въ великолѣпныя мои палаты, стоящія подъ горою *Етною*. Государь мой! отвѣчалъ я, это не лучшій способъ склонять въ свою службу людей съ тѣмъ, чтобъ ихъ изжарить или утопить: правда, у насъ иногда Секретарей морятъ съ голоду: но по крайней мѣрѣ принимаютъ ихъ всегда съ хорошими обѣщаніями. — Не опасайся мой другъ, отвѣчалъ *Маликулмулькъ*, ты увидишь, что въ моихъ домахъ такъ же весело и спокойно, какъ въ самыхъ богатыхъ вашихъ чертогахъ, и ничуть не жарко, такъ что одинъ изъ вашихъ Философовъ, тому уже нѣсколько вѣковъ назадъ, вступилъ въ мою службу управителемъ дома подъ *Етною*. Я думаю, вы всѣ того мнѣнія, что онъ сгорѣлъ; а вмѣсто того ему тамъ такъ показалось прохладно, что онъ выбросилъ назадъ оттуда свои туфли, и нынѣ живетъ у меня очень спокойно; смотритъ за моимъ домомъ и за библіотекою, которую

я уже девять тысячь лѣтъ сбиралъ. Онъ дѣлаетъ критическія замѣчанія на всѣхъ древнихъ и новыхъ Философовъ, на всѣ Секты и на всѣ науки, которыя, можетъ быть, скоро выдутъ въ свѣтъ. И такъ, ты видишь, что естьли бы было ему жарко, то бы онъ конечно не принялся за такую безпокойную работу, отъ которой можно вспотѣть и въ самой Гренландіи. Я тебѣ обѣщаю не меньше выгодное содержаніе, и дамъ тебѣ свободу жить, гдѣ ты ни пожелаешь. Съ симъ уговоромъ согласился я вступить въ службу почтеннаго *Маликульмулька*, и не хотя перемѣнять жилища, выбралъ къ тому сей городъ. Естьли бы, сказалъ я ему, былъ у васъ такъ же и здѣсь какой нибудь увеселительной домъ, то бы я съ охотою согласился въ немъ вамъ служить; пожалуйте господинъ *Маликульмулькъ*, продолжалъ я, купите себѣ здѣсь какой нибудь домъ, только, прошу васъ, на истинныя, а не на

волшебныя деньги; для того что здѣсь Профессоровъ этой науки очень не любятъ, и часто сѣкутъ розгами или сажаютъ въ бѣшеной домъ; да и мнѣ новому вашему Секретарю опъ того не безопасно; ибо здѣсь живутъ люди, а не волшебники, и имъ очень не мудрено сдѣлать ошибку и высѣчь одного вмѣсто другаго. — Не опасайся, сказалъ мнѣ волшебникъ, мы будемъ веселиться и не будемъ подвержены никакой опасности; я имѣю здѣсь нѣсколько увеселительныхъ домовъ въ самомъ городѣ, и тотъ, въ которомъ мы теперь, изъ самыхъ лучшихъ. — Какъ! вскричалъ я съ удивленіемъ, вы шутите; я не знаю, какъ для васъ, а для меня домъ съ провалившеюся кровлею, съ развалившимися печами, съ худыми полами и съ выбитыми окнами, въ непастное время, ничуть не кажется увеселительнымъ; эпотъ домъ годенъ только на дрова, въ немъ не согласишся жить и сторожъ Академической библіотеки.

Ты инаго будешь мнѣнія о моемъ богатствѣ, сказалъ *Маликульмулкъ*, когда увидишь сей домъ хорошими глазами. Тогда онъ полою своей епанчи потеръ мои глаза. Въ какоежъ послѣ сего пришелъ я удивленіе, увидя себя въ великолѣпнѣйшихъ чертогахъ! золото и серебро блистали повсюду; картины, рѣзьба, зеркала, придавали великолѣпный видъ симъ комнатамъ, которыя за минуту предъ тѣмъ казались мнѣ пустыми сараями; словомъ, пышность сего дома могла поравняться съ пышностію первѣйшихъ дворцовъ въ Европѣ. Вотъ, что я тебѣ дарю, сказалъ мнѣ милостивый *Маликульмулкъ*. Я благодарилъ его такъ, какъ могъ, и обѣщалъ исполнять ненарушимо его повелѣнія. Позволь, мой благодѣтель! вскричалъ я, чтобъ въ сію же минуту позвалъ я къ себѣ обѣдать нѣкоторыхъ изъ богатыхъ и гордыхъ моихъ знакомцевъ, которые спасли великимъ одолженіемъ, когда удостоивали меня своею

бесѣдою, скучною для меня такъ же, какъ для нихъ скучны Философическія книги; или лучше сказать, какъ для соннаго судьи приказъ. — Я тебѣ никогда не совѣтую этого дѣлать, отвѣчалъ волшебникъ; для нихъ комнаты сіи ничуть не перемѣнили своего вида, и покажутся такими же, какими онѣ доселѣ тебѣ казались; съ помощію только моей епанчи, надъ которою я трудился три тысячи лѣтъ, могли бы они видѣть ихъ такими, каковы онѣ есть; но я не хочу всему городу насильно протирать глаза: оставь, другъ мой, думать людей, что ты бѣденъ и наслаждайся своимъ богатствомъ. — Ахъ! я вижу, что оно мечтательное, вскричалъ я съ неудовольствіемъ. — Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, все, что ты видишь, очень истинно; *Перипатетизмъ* одинъ можетъ заставить почитать несчастіемъ самое блаженство. Почему ты предпочитаешь пѣ комнаты, которыя искуствомъ людей сдѣланы

въ нѣсколько лѣтъ, тѣмъ, которыя я дѣлаю въ одну минуту? Естьли я властію моею могу этотъ домъ привести въ прежній свой видъ, то время не можетъ ли разрушить такъ же очарованіе самыхъ лучшихъ художниковъ, и превратить обрабопанныя ими вещи въ первобытное состояніе, которое будетъ небольшая кучка земли? Правда, люди всѣ будутъ думать, что ты не богатъ; но съ первѣйшими богачами не то ли же случается? Они и сами иногда почитаютъ себя бѣдными, а философы почитаютъ ихъ нищими, и эти люди умѣе тѣхъ, которые имъ приписываютъ названіе богачей; все богатство *Креза* не могло увѣрить *Солона*, что *Крезъ* былъ богатъ; а *Солона* бы и нынѣ не посадили въ бѣшеной домъ, хотя бы, можетъ быть, и заставили его быть помолчаливѣе. И такъ ты видишь, что истинное состояніе человѣка не потому называется богатымъ или бѣднымъ, какъ

другіе о немъ думаютъ; но потому, какъ онъ самъ почитаетъ. — Такъ по этому, отвѣчалъ я, долженъ я питаться пустою мыслію, что я богатъ, между тѣмъ, какъ можетъ быть, стою здѣсь по колѣни въ грязи, въ пустыхъ покояхъ, и мерзну отъ стужи и отъ вѣтровъ. — Чувствуешь ли ты это? спросилъ онъ меня. — Нѣтъ, отвѣчалъ я. — Такъ по этому, продолжалъ онъ, ты глупо сдѣлаешь, когда это будешь воображать; а какъ ты боишься бѣдности, то вотъ тебѣ деньги, сказалъ онъ, выдвигая большой изъ стола ящикъ съ самыми полновѣсными червонцами. — О теперь-то я богатъ, говорилъ я съ восхищеніемъ, принимая деньги. — Да знаешь ли, что онѣ такое, говорилъ онъ; это изрѣзанныя кружками бумажныя обои. — Господинъ волшебникъ! сказалъ я съ сердцемъ, не этою ли негодною монетою даешь ты своимъ Секретарямъ жалованье? Я сойду съ ума прежде, нежели

соглашусь принять твои бумажныя вырѣзки за наличное золото. — Не опасайся, отвѣчалъ онъ, я съ тобою только пошутилъ; я неподражу обмановъ и не буду тебѣ платить обоями, вмѣсто денегъ; въ этомъ домѣ тебѣ въ нихъ и нужды не будетъ, старайся только рѣже изъ него выходить; ибо какъ скоро ты выдешь на улицу, то очарованіе въ глазахъ твоихъ исчезнетъ. Послѣ сего намъ собрали на столъ; мы очень хорошо обѣдали, и я по привычкѣ спать послѣ обѣда, легъ на самую мягкую постель, какою бы и самая богатая духовная особа не погнушалась; а *Маликулъмулькъ* пошелъ въ свой пребогатой кабинетъ, которой за часъ казался мнѣ разломаннымъ куряшникомъ.

Прежде, нежели заснулъ, дѣлалъ я тысячу разныхъ разсужденій, остаться ли мнѣ въ новомъ моемъ званіи, котораго еще не зналъ должности, и быть ли довольну мнимымъ своимъ богатствомъ? Что? думалъ я

самъ въ себѣ, естьли я ѣлъ только черствыя корки гнилова хлѣба, тогда, когда казалось мнѣ, что утолялъ свой голодъ вкуснѣйшими пищами, и почиталъ *Маликулемулкова* повара искуснѣе всякаго Француза? И что, естьли въ самую сію минуту лежу я на голыхъ и на мокрыхъ доскахъ, между тѣмъ, какъ воображаю, что лежу на мягкихъ пуховикахъ, которые бы могли сдѣлать честь кровати и богатѣйшихъ Восточныхъ Государей? Не смѣшно ли будетъ, когда за это буду я отправлять тяжелую Секретарскую должность? Но надобно и въ томъ признаться, что я совершенно доволенъ. Пусть люди будутъ меня почитать бѣднымъ, что мнѣ до того за нужда! довольно, естьли я для себя кажусь богатымъ. Правда, всякой станетъ такому мнѣнію смѣяться; не смѣшно ли бы было, когда бы меня посадили въ великолѣпную тюрьму и называли бы меня свободнымъ: но не позволяли бы мнѣ выхо-

дить изъ комнаты ни на три шага; а между тѣмъ весь бы свѣтъ думалъ, что я счастливѣйшій смертный; былъ ли бы я отъ того подлинно счастливъ? Нѣтъ, конечно, по этому и нынѣ я не буду бѣденъ отъ того, когда меня почитать такимъ будутъ. И такъ я рѣшился оставаться въ семъ домѣ; а сверхъ того названіе Секретаря льстило меня новыми доходами; ибо я слыхалъ, что оно очень прибыльно, и что всѣ Секретари истинно богаты, не выключая изъ того числа и Секретарей Академій.

И такъ выспавшись спокойно, не такъ какъ Секретарь, которой еще исполняетъ сіе званіе, и отъ времени до времени боится, чтобъ не быть ему повѣшену; но такъ какъ Секретарь, которой насладясь уже выгодами онаго, вышелъ въ отставку, пользуется плодами плутовства, не страшится болѣе висѣлицы и спитъ спокойно, не воспоминая о своихъ челобитчикахъ. Выспавшись, говорю,

такимъ образомъ, всталъ я съ моей пышной постели; (а можетъ быть и съ голыхъ досокъ) вошелъ въ кабинетъ *Маликульмулька* исполнять его повелѣнія, и онъ въ короткихъ словахъ объявилъ мнѣ мою должность.

Я, говорилъ онъ, своими знаніями пріобрѣлъ нѣсколькихъ друзей, которые живутъ въ разныхъ частяхъ свѣта, близь моихъ владѣній; а какъ помѣстья мои (отсюда очень не близки); то утѣшаюсь тѣмъ, что не видя ихъ получаю отъ нихъ письма, и самъ отвѣчаю имъ на оныя; но какъ мнѣ ужъ тринадцать тысячь лѣтъ, и слѣдственно въ такихъ пожилыхъ годахъ иногда склоненъ я къ лѣни: то ты долженъ будешь писать то, что я тебѣ буду сказывать и читать мнѣ ихъ письма. Я позволяю тебѣ списывать и для себя тѣ, которыя тебѣ понравятся: прочеежъ время все въ твоемъ распоряженіи. Почтенный *Маликульмулькъ!* говорилъ я ему, когда вы позволяете мнѣ списы-

вать ваши письма, то позвольте ихъ такъ же и издавать въ свѣтъ, и тѣмъ увѣрить моихъ соотчичей, что я имѣлъ честь быть вашимъ Секретаремъ, которые безъ сего доказательства почтутъ сію Исторію сказкою, какъ обыкновенно привыкли называть невѣроятныя дѣла; а можетъ быть, посадятъ меня и въ домъ сумасшедшихъ. Сверхъ того, говорилъ я ему, что служа у него въ Секретарскомъ чинѣ, я ничемъ инымъ не буду пользоваться, кромѣ своего жалованья, для того, что у него ни подрядовъ, ни откуповъ, ни поставокъ никакихъ нѣтъ, и мнѣ будетъ стыдно сказать, что я, бывъ Секретаремъ у такого знатнаго человѣка, ничемъ не поживился, между тѣмъ, какъ нѣкоторые Секретари самыхъ послѣднихъ мѣстъ, съ помощію хорошей экономіи получая по 450 рублевъ въ годъ жалованья, проживаютъ ежегодно по 12000 рублевъ, и строятъ себѣ очень порядочные каменные

домы. — Господинъ ворожея говорилъ мнѣ, что онъ здѣсь расположенъ жить *инкогнито;* однакожъ я ему доказалъ, что лучше быть славнымъ, нежели невѣдомымъ, и говорилъ ему, что самъ *Цицеронъ* радовался, когда нѣкто изъ Стихотворцевъ зачалъ описывать его дѣла; что *Сенека* говорилъ, что онъ не для чего другаго учился Философіи, какъ только для того, чтобъ люди это знали, и что самъ Господинъ *Клеедокъ*, управитель его увеселительнаго дома, изволилъ, соскокнуть къ нему для того, чтобъ быть славнымъ.

Малкулимулкъ смѣялся симъ мнѣніямъ и наконецъ для меня склонился, чтобъ его и пріятелей его письма были издаваемы въ свѣтъ. Я было намѣренъ былъ попросить у него на то и денегъ; но опасался, чтобъ онъ мнѣ не далъ изрѣзанныхъ обоевъ вмѣсто червонцевъ: а я столько люблю всѣхъ своихъ земляковъ, особливо же Типографщиковъ, что ни-

когда не намѣренъ обмануть ихъ столь безстыднымъ образомъ. И такъ рѣшился лучше деньги на расходъ Типографій для изданія сихъ писемъ занять отъ читателей, нежели выпустить такія деньги, за которыя бы я, какъ не имѣющій никакого законнаго права, ни власти выдавать фальшивыхъ денегъ, и какъ Секретарь *Малкулмулькова*, долженъ былъ отвѣчать, между тѣмъ, какъ онъ спокойно бы по воздуху, по водѣ, или по землѣ уѣхалъ въ свои владѣнія.

ПОЧТА
ДУХОВЪ.

ПИСЬМО I.

Отъ Гнома Зора къ волшебнику Маликулмулку.

Вотъ первое письмо, любезный и премудрый *Маликулмулкъ*, которое я къ тебѣ пишу послѣ нашей разлуки; я было хотѣлъ тебя поздравить съ новымъ годомъ; но не знаю, которому ты вѣришь Календарю: Юліанскому ли или древнему Римскому; а можетъ быть ты и того мнѣнія, что годъ со всякаго новаго дня начинается. Я бы желалъ увѣрить тебя о моемъ къ тебѣ дружествѣ; но мы съ тобою столько знакомы, что можемъ оставить для другихъ такія

учтивости, которыми нынѣ почти всѣ письма наполняются; и такъ лучше скажу тебѣ новость, и какая ужасная перемѣна дѣлается въ адѣ!

Вчерась минулъ срокъ полугодовому отсутствію *Прозерпины*. *Плутонъ* съ нетерпѣливостію ожидалъ ея возвращенія; вдругъ предстала предъ него одна нѣмь, одѣтая въ скороходское платье, и докладывала, что *Прозерпина* прибыть изволила. Минуту спустя богиня сама входитъ въ нынѣшнемъ французскомъ платьѣ, въ шляпкѣ съ перьями и въ прекрасныхъ башмачкахъ, которыхъ тоненькіе каблучки придавали ей вершка три росту. Бѣдной *Плутонъ* оледенѣлъ, увидя ее въ семъ нарядѣ; мы сами нѣсколько оторопѣли: нѣкоторые изъ насъ говорили очень тихо: конечно она сошла съ ума; а другіе кричали во все горло: богиня еще прекраснѣе; но всѣ съ нетерпѣливостію ожидали, чемъ все это кончится. Здравствуй, мой ангелъ! сказала по-

дошедъ къ своему мужу *Прозерпина*, и присѣла передъ нимъ два раза; признайся, продолжала она, что я не безъ пользы возвратилась къ тебѣ съ того свѣта! каково тебѣ кажется это платье, эта чоска, эта шляпка, эти высокинькіе башмачки? Знаешь ли, что все это послѣдней моды и взято изъ Французскихъ лавокъ? — Другъ мой! говорилъ почти всхлипывая бѣдной *Плутонъ*, что тебѣ сдѣлалось?... здорова ли ты?... ахъ! я вѣтъ говорилъ, что частая перемѣна воздуха можетъ повредить мозговую перепонку. Любезная *Прозерпина!* опомнись, что ты! ахъ, зачемъ ты ѣздила на тотъ проклятой свѣтъ! я предчувствовалъ..... Какъ за чемъ? перехватила рѣчь его *Прозерпина;* знаешь ли ты, что я тамъ въ нынѣшнюю поѣздку выучилась пѣть и танцовать; посмотри, какъ чисто дѣлаю я *Англинскія ла* въ контрдансѣ. — Въ минуту подхватила она близъ ее стоящаго *Сократа* и прину-

дила его пропрыгать съ собою *Аглинскія прогулки*; *Діогенъ* хохоталъ во все горло и говорилъ: что это прекрасная пара; а *Плутонъ* бѣсился и не зналъ, что дѣлать; онъ шепнулъ тихонько *Цицерону*: не можетъ ли онъ уговорить жену его отстать отъ такихъ дурачествъ. *Цицеронъ* подошелъ къ ней со всею важностію, достойною Римскаго Оратора и Сенатора. — А! здравствуй дѣдушка, сказала она ему; послушай, мнѣ есть до тебя маленькая прозьба, и мнѣ ужесть хочется, чтобъ ты ее исполнилъ, напиши пожалуй похвальную рѣчь Французскимъ торговкамъ; ты не повѣришь, какъ я и онѣ будемъ тебя благодарить; твои *Филлипическія* рѣчи стоили тебѣ головы, а за эту рѣчь, о которой красотѣ я увѣрена, подарю я тебя послѣдней моды *фраколъ* и *Аглинскимъ гарнитуромъ пряжекъ*. Признайся, что это очень щедрая плата. — Богиня! сказалъ *Цицеронъ*, могу ли я вѣрить своимъ

глазамъ, чтобъ ты будучи безсмертна, плѣнилась дурачествами существъ, которые едва живыми назваться могутъ? — О! ты скучишь своими правоученіями, жизнь моя, отвѣчала *Прозерпина;* оставь ихъ. Знаешь ли, что ты былъ бы нестерпимъ въ нынѣшнемъ свѣтѣ, и развѣ одними твоими острыми словами могъ бы сыскать благосклонность у женщинъ, которыя нынѣ рѣшатъ судьбу ученыхъ людей. — Богиня, говорилъ *Цицеронъ*, сія вредная язва не разорила ли и мое отечество? Ахъ! я бы лучше желалъ еще шесть разъ быть изъ него изгнанъ, и двадцать разъ быть удавленъ, по приказанію новыхъ *Антоніевъ*, нежели видѣть такую странную перемѣну. — Ты не повѣришь, отвѣчала *Прозерпина*, въ какомъ совершенствѣ нынѣ Италія! Правда, ты не найдешь тамъ ни одного *Катона*, ни *Юлія*, ни *Брута*, ни древняго *Тарквинія;* но естьлибъ ты зналъ, какъ тамъ хорошо сочиняютъ Оперы *Буфо*,

то бы ты сдѣлался театральнымъ *Буфономъ*. — Жизнь моя! продолжала она, оборотясь къ *Плутону*, которой смотрѣлъ на нее выпараща глаза, сдѣлай милость, заведи здѣсь оперной театръ; я на себя беру выписать актеровъ, музыкантовъ и хорошихъ капельмейстеровъ. — Богиня! вскричалъ съ сердцемъ *Плутонъ*, ты наконецъ досаждаешь мнѣ своими вздорными предложеніями, и сама не знаешь, что хочешь дѣлать. — Выбрить тебѣ бороду, радость моя, отвѣчала съ нѣжностію *Прозерпина*, и нарядишь тебя во Французской кафтанъ. Ахъ! ты не повѣришь, какъ прекрасны нынѣшніе мущины съ выбритыми бородами; я видѣла своими глазами цѣлые города, наполненные *Нарцисами* и *Адонисами*; и увѣрена, что ты съ выбритою бородою, такъ же прекраснъ будешь, какъ *Ганимедъ*; прибавь же къ тому Французской кафтанъ, тупей *а-ла-крошс*, модныя пряжки и щегольскую

Французскую шпагу. О! мущины такъ спали хитры, что умѣли сдѣлать прелестными въ глазахъ женщинъ и шпаги свои. Ты не увидишь болѣе тѣхъ старинныхъ саблищъ, которыя вѣсомъ тянули столько же, сколько тѣ, которые ихъ носили; но увидишь маленькія прекрасныя шпажки, которыя ничуть не ужасая, дѣлаютъ только украшеніе, и включены въ число *галантерейныхъ* вещей. — Да, въ число *галантерейныхъ* вещей! Лучшія шпаги и лучшія тросточки продаются въ Аглинскихъ магазинахъ.

Представь, мудрый *Малкульмулкъ*, каково было для насъ видѣть такое сумасбродство! *Раддаматъ*, *Какъ* и *Милосъ* жались какъ можно болѣе, желая сохранить судейскую важность, и чтобъ не трѣснуть отъ смѣха; самъ *Плутонъ* половину плакалъ и половину смѣялся; однакожъ ничемъ не могъ уговорить *Прозерпину*, чтобъ скинула она свое *фуро*, а особливо, чтобъ испортила прическу своей

головы. — Какъ! говорила она, я буду ходить съ растрепанными волосами! Въ какое время, когда послѣдняя театральная дѣвка имѣетъ у себя Французскаго парикмахера! Нѣтъ, естьли ты хочешь, чтобъ я осталась здѣсь, то неотмѣнно выпиши мнѣ парикмахера, портнова и купца съ *галантерейными* вещами; а безъ того я въ сію же минуту ѣду въ Парижъ. — *Плутонъ* морщился, сердился, смѣялся; но наконецъ долженъ былъ согласиться на ее требованіе.

Кого же бы ты думалъ выбрали доставить такихъ надобныхъ людей?... Меня, ученый *Маликульмулькъ!* Поздравь меня съ должностію моднаго повѣреннаго *Прозерпины.* Я скоро ѣду набирать лучшихъ искусниковъ. Весь адъ теперь въ смятеніи отъ этой перемѣны, и я скоро можетъ быть увѣдомлю тебя, чемъ это кончится.

ПИСЬМО II.

Отъ Силфа Дальновида къ волшебнику Маликулмулку.

Два дни тому назадъ, мудрый и ученый *Маликулмулкъ*, какъ по утру очень рано пролеталъ я чрезъ Парижъ, гдѣ, рано взлетѣвъ на самой верхъ одной колокольни сѣлъ тамъ на нѣсколько времени для отдохновенія; ибо я тогда чрезвычайно усталъ, облетѣвъ, менѣе нежели въ двѣнадцать часовъ около пяти сотъ миль, и при томъ еще долженъ былъ столько же пролетѣть до того мѣста, куда предпрiялъ я свое путешествiе. Сидя на верху сей колокольни, обозрѣвалъ я обширное пространство всего города, и тогда пришла мнѣ въ голову та же мысль, которая заставила нѣкогда *Ксеркса* проливать слезы. *Когда я помышляю*, говорилъ сей Монархъ осматривая свои войска, *сколь кратка жизнь человѣческая, тогда*

прихожу въ крайнее смущеніе отъ соболѣзнованія и не могу отъ слезъ воздержаться, что изъ сихъ многихъ милліоновъ людей, стоящихъ теперь предъ моими глазами, трезъ сто лѣтъ ни одного въ живыхъ не останется. „Еже„ли бы всѣ люди, говорилъ я самъ въ „себѣ, обитающіе въ семъ городѣ, „помышляли о своей плачевной уча„сти и о концѣ своей жизни, кото„раго вскорѣ ожидать они должен„ствуютъ; то безъ всякаго сомнѣнія „скоро вышли бы они изъ своего за„блужденія и оставили бы всѣ сует„ныя свои попеченія, которыми не„престанно себя занимаютъ. Къ чему „служатъ всѣ труды, пріемлемые „сими несчастными? Вмѣсто того, „чтобъ наслаждаться не многими ми„нутами ихъ жизни, надъ коими они „суть совершенные властители! Они „изнуряютъ себя великими трудами, „потѣютъ и мучатся для пріобрѣ„тенія благополучія въ такое время, „котораго никогда они не увидятъ,

„и кое совсѣмъ не для нихъ предо-
„ставлено. Они тогда престаютъ
„существовать на семъ свѣтѣ, когда
„думаютъ начинать только наслаж-
„даться исполненіемъ своихъ пред-
„пріятій.„

Алчные и корыстолюбивые купцы, которые день и ночь обременяютъ себя трудньйшими заботами о своей торговлѣ, и которые здоровьемъ своимъ и покоемъ жертвуютъ ненасытному желанію собрать богатое имѣніе, умрутъ прежде, нежели удовольствуютъ свое желаніе; а чрезъ то болѣе будутъ чувствовать скорбь и сокрушеніе, что во всю жизнь свою безполезно трудились: естьли же и случатся между ими таковые, которые прежде своей смерти удовлетворятъ свою алчность; то и для тѣхъ то время, въ которое будутъ они наслаждаться сими сокровищами, пріобрѣтенными съ толикими трудами и безпокойствомъ, покажется сколь коротко, что ни къ чему болѣе

не послужитъ, какъ къ пріумноженію ихъ мученій, возбуждая въ нихъ большее сожалѣніе о лишеніи богатаго своего имущества, коимъ столь малое время они наслаждались.

Человѣкъ, который видитъ себя лежащаго на одрѣ смертномъ, тѣмъ болѣе несчастливъ, что съ изнуреніемъ своего здоровья пріобрѣлъ богатство, и что не во всю жизнь свою находился въ бѣдности; ибо оставляя сей свѣтъ, тѣмъ меньше о немъ сокрушается. Лудовикъ XIV умирая лишился съ жизнію Государства. — Герцогъ теряетъ менѣе, нежели Государь; купецъ бѣдный теряетъ меньше, нежели богатый. Бѣдность есть такая вещь, которая всего способнѣе можетъ произвести Философовъ. Человѣкъ обладающій богатымъ имѣніемъ, рѣдко захочетъ преподавать другимъ нравственныя наставленія. *Сенека* быть можетъ одинъ, а *Милліонтовъ* найдется двѣ тысячи.

Ежели бы люди, мудрый и ученый *Маликулмулькъ*, устремляли нѣкоторое вниманіе на бѣдность и низкость своего состоянія; то постарались бы отвратить полезнѣйшими своими размышленіями тѣ бѣдствія, которымъ подвергла ихъ судьбина. Вмѣсто того, что поступками своими унижаютъ они свое состояніе, которое учинилося уже совсѣмъ презрѣннымъ, подражали бы они столько, сколько было бы имъ возможно, мудрымъ *Силфамъ*, кои единственно стараются только о томъ, чтобъ исполнить и любить добродѣтель, и ожидаютъ безъ страха и суетнаго желанія того, что Небо для нихъ опредѣлило. Слабые человѣки, будучи весьма отдалены отъ того, чтобъ во всемъ поступать съ благоразуміемъ, всѣ равно трудятся о учиненіи себя несчастнѣйшими. Кажется, что они со утѣшеніемъ умножаютъ свои бѣдствія, кои по собственному ихъ злоупотребленію присоединены къ чело-

вѣческой природѣ, и коихъ горесть единые токмо Философы услаждать умѣютъ. — Безъ сомнѣнія ты, мудрый *Маликулмулкъ*, много разъ разсматривалъ тѣ несчастія, которымъ подверженъ весь родъ человѣческій; но не знаю, примѣтилъ ли ты когда, что всѣ люди, въ какомъ бы состояніи ни были (выключая изъ того числа не многихъ только любомудровъ) суть равно несчастны въ глазахъ истиннаго Философа. Начнемъ сіе изслѣдованіе съ Государя.

Таковый Государь, который, будучи окруженъ блистательнымъ Дворомъ своимъ, единственно предается безъ всякой умѣренности различнымъ забавамъ, оставляя своимъ Министрамъ все попеченіе о своемъ Государствѣ, можетъ ли быть счастливъ? Равнымъ образомъ и тотъ, который для удовольствованія неумѣрнаго своего честолюбія, разоряетъ свое Государство и приводитъ въ крайнюю погибель своихъ подданныхъ, не можетъ

назваться благополучнымъ. Таковые Государи, предающіеся страстямъ своимъ, сами чувствуютъ сколько поступки ихъ противны истинной чести, цѣломудрію и человѣколюбію; ибо такова есть участь всѣхъ людей, порабощенныхъ порокамъ: что бы они ни дѣлали, однакожъ не могутъ толико быть ослѣплены, чтобъ иногда пылающая искра ихъ совѣсти не представляла имъ отъ времени до времени страшной истины. Нѣкто изъ ученыхъ мужей справедливо сказалъ, что *совѣсть можетъ быть закрыта завѣсою, потому что она не Богъ; но что она никакъ не можетъ совсѣмъ истребиться, потому что происходитъ отъ самаго Бога.* Преступникъ сколько бы ни старался, и сколько бы ни прибѣгалъ ко всѣмъ способамъ, могущимъ совершенно успокоить его смущеніе, однакожъ никогда до того не достигнетъ; ибо внутреннія угрызенія совѣсти, подобно нѣмъ хищнымъ птицамъ, которыя по басно-

словію терзали грудь Промееѳееву, непрестанно сыскиваютъ свою пищу, и сердце, терзаемое ими, во всякое время претерпѣваетъ несносѣйшія мученія. Великіе и малые люди равно бываютъ подвержены внутреннему угрызенію своей совѣсти, коль скоро сдѣлаются преступниками.

Въ какомъ бы состояніи человѣкъ ни былъ, и какое бы лице ни представлялъ; но ничто не можетъ его избавить отъ терзанія возмущенной совѣсти: *повсюду, гдѣ нѣтъ истинной добродѣтели, порокъ обитаетъ; а съ нимъ купно и внутренія угрызенія, всегда за нимъ послѣдующія.* Тщетно порочный Государь мыслитъ, подъ защитою своего Самодержавства, успокоить страхъ свой, который посреди величества его, славы и безпечности повсюду за нимъ слѣдуетъ, непрестанно его мучитъ и терзаетъ до самаго того времени, когда лишится онъ жизни; а вмѣстѣ съ оною и пышныхъ своихъ забавъ,

смѣшанныхъ со многими скорбьми и мученіями. Мудрый Философъ можетъ ли почесть благополучною, столь неспокойную и бѣдственную участь?

Отъ Государя обратимся къ Придворному. Какое его состояніе! Онъ есть невольникъ, носящій на себѣ золотыя оковы! Подъ пышною наружностію суетнаго величества, онъ сокрываетъ тягостныя попеченія и несноснѣйшія скорби. Сколько такихъ Придворныхъ, которые, въ жизни своей, не проводятъ почти ни одного дня, не будучи терзаемы честолюбіемъ, желаніемъ приумножить свое могущество, и страхомъ лишиться милости своего Государя? Можно ли таковую жизнь почесть счастливою, въ которой надлежитъ быть непрестанно въ мучительномъ безпокойствѣ и въ недовѣрчивости ко всѣмъ тѣмъ, съ коими имѣешь обхожденіе, льстить своимъ непріятелямъ, не имѣть ни одного истиннаго друга,

и во всемъ поступать по своенравію и по прихотямъ другаго человѣка? Наконецъ, послѣ столь мучительной и безпокойной жизни, постигаетъ смерть, которая стремительно разрушаетъ всѣ принятыя мѣры, дѣлаетъ безполезными всѣ усильнѣйшія старанія и оставляетъ единое токмо прискорбіе, что въ толикомъ злоупотребленіи препровождаемы были краткіе дни его жизни, которую прожилъ онъ, будучи всегда невольникомъ, когда могъ бы наслаждаться спокойною свободою. Нужно ли было родиться на свѣтъ, единственно для того, чтобъ играть столь мучительную ролю въ своей жизни, которая кончится столь скоропостижно?

Здѣшнія духовныя особы не могутъ почесться ни благополучнѣе, ниже спокойнѣе свѣтскихъ! Они приносятъ къ подножію жертвенника терзающее ихъ честолюбіе. Они непрестанно помышляютъ о пріумно-

женіи своего богатства. Скупость есть порокъ, свойственный большей части Французскихъ духовныхъ. Надменный Прелатъ всегда бываетъ смущенъ, печаленъ и задумчивъ; но чтобъ такое могло возмущать его блаженство? Онъ хочетъ быть Архіепископомъ! Когда поступаетъ онъ въ сіе достоинство, то и тогда кажется столько же печаленъ; ибо желаетъ Кардинальства; попомъ получаетъ Кардинальскую шапку, но безпокойства его не уменьшаются, потому что думаетъ быть Папою. Наконецъ, не избавившись онъ сердечнаго сокрушенія, онъ умираетъ съ сожалѣніемъ, что не могъ удовлетворить всѣхъ своихъ желаній. Сто тысячь ливровъ годоваго дохода, и пышные титулы: *преимущества* и *высокомотія*, не могли учинить его благополучнымъ; и со всѣмъ его богатствомъ онъ былъ бѣднѣе крестьянина, живущаго при умѣренности спокойнымъ и довольнымъ въ своей хижинѣ.

Деревенскій Священникъ ропщетъ непрестанно на свою судьбину и жалуется, что ему жить нѣчемъ. Чрезъ нѣсколько времени получаетъ онъ богатой приходъ, оставляетъ деревню и переселяется въ городъ. Уже ли онъ симъ удовольствованъ? Нѣтъ! онъ хочетъ быть Настоятелемъ; потомъ получаетъ и сіе достоинство; однакожъ желаніе еще не удовольствовано; ибо, чемъ болѣе онъ возвышается, и чемъ больше доходъ его возрастаетъ; тѣмъ больше алчность его пріемлетъ новыя силы. Ежели бы онъ, подобно тому Кардиналу, достигъ до ближайшей степени къ Папскому достоинству, то и тогда не былъ бы доволенъ; естьли бы поступилъ онъ и еще далѣе, хотя бы сдѣлали его Папою, то и въ то время доходы его казались бы ему умѣренными.

Вотъ сколь велико человѣческое ослѣпленіе, мудрый и ученый *Малхульмулькъ!* Они бросаются непре-

станно отъ одного состоянія къ другому, и во всѣхъ сихъ различныхъ перемѣнахъ не менѣе суть несчастны. Поелику ищутъ они своего удовольствія въ вещахъ суетныхъ, скоропреходящихъ и неосновательныхъ; а потому, вмѣсто истиннаго блаженства, ничего другаго не находятъ, кромѣ непостоянства, скуки, зависти, преступленія и внутренняго угрызенія, которое повсюду за ними слѣдуетъ.

Истинное и ни съ чемъ несравненное блаженство состоитъ въ любви къ добродѣтели и въ собственномъ спокойствіи духа. Кто твердо увѣренъ въ сей истинѣ, для соблюденія которой во всемъ поступаетъ по мудрымъ и нужнымъ правиламъ, тотъ совершенно благополученъ и провождаетъ жизнь безъ смущенія и безпокойства; не страшится смерти и ея не желаетъ; но ожидаетъ спокойно всего того, что Небо ему

предопредѣлитъ съ его жизнію, вѣдая, что когда оная кончится на здѣшнемъ свѣтѣ, тогда наступитъ другая чистѣйшая и свѣтлѣйшая, и что сія будущая, совершенно блаженная жизнь, будетъ наградою за мудрое поведеніе на семъ свѣтѣ.

Люди должны бы были непрестанно помышлять о двухъ вещахъ: во первыхъ, о краткости здѣшней жизни, а во вторыхъ, о безконечномъ продолженіи будущей. Тогда не предалися бы они безумнымъ помышленіямъ, причиняющимъ имъ несносныя мученія; тогда сказали бы они сами себѣ: *какъ! для пріобрѣтенія вѣчнаго блаженства предоставлено намъ трудиться нѣсколько только минутъ, а мы растоваемъ сіи счастливыя минуты въ суетныхъ желаніяхъ и въ предпріятіяхъ, которыя тогда же исчезаютъ, когда исполняются! будемъ лучше помышлять о доставленіи себѣ вѣчнаго жилища, и не будемъ напрасно терять сихъ минутъ, отъ употреб-*

ленїя коихъ заеститъ наше безконечное блаженство.

ПИСЬМО III.

Отъ Гнома Буристона къ волшебнику Маликулмулку.

Пожалѣй о мнѣ, любезный *Маликулмулкъ*, пожалѣй о своемъ бѣдномъ Буристонѣ, узная его несчастіе; несчастіе, которое едва ли съ кѣмъ нибудь изъ моей братьи когда случалось. Но почто удручать тебя моими пустыми жалобами? Онѣ могутъ въ мысляхъ легковѣрнаго увеличить мою бѣду; но въ мысляхъ премудраго человѣка останутся однимъ пустымъ звономъ. И такъ, приступлю я къ дѣлу и буду требовать твоей помощи; ибо не утѣшеніе, но помощь нужна несчастнымъ.

Нашъ общій знакомецъ *Зоръ*, писалъ къ тебѣ о сумасшествіи *Про-*

зеркалы, но онъ еще не о всемъ тебя увѣдомилъ. — Богиня вскорѣ послѣ того вздумала перемѣнить видъ своего Двора. Между тѣмъ какъ *Зоръ* полетѣлъ въ свѣтъ набирать разныхъ модныхъ искусниковъ, она новоприбывшему въ адъ Французскому портному велѣла на скорую руку обмундировать семь Греческихъ мудрецовъ, и славнѣйшихъ въ древности женщинъ, какъ то: *Семирамиду*, *Клеопатру*, *Лукрецію* и прочихъ; она еще болѣе хотѣла; она неотмѣнно желала, чтобъ они завели между собою любовныя интриги, и чтобъ, не выключая и важнаго *Солона*, всѣ сдѣлались волокитами. Тысячу разъ она смѣялась надъ стыдливою *Лукрецією* и надъ *Виргиніею*, что онѣ дичились въ новыхъ нарядахъ, и не давали рукъ своимъ обожателямъ; она опідала ихъ подъ смотрѣніе доброй *Клеопатрѣ*, которая обѣщала сдѣлать изъ нихъ такихъ придворныхъ вертопрашекъ, которымъ бы и лучшіе Европейскіе Дворы завидовали.

Школа началась баломъ, богиня сама открыла его съ *Плутономъ*, и потомъ *Дикреція* съ *Сократомъ* панцовали менюетъ: говорятъ, будто онъ уже за нею и машетъ. *Радамантъ*, *Миносъ* и *Какъ*, которые такъ же приглашены были на сей праздникъ, потеряли всю свою важность, коль скоро увидѣли тутъ *Александра Великаго*, *Цесаря*, *Помпея*, *Брута*, *Катона* и *Ѳемистокла* съ Римскими Весталками прыгающихъ *Галопада*, которой искусные музыканты играли *алегро престо*. Бѣдныя наши судьи, забывъ придворную благопристойность, надрывались отъ смѣха, и какъ имъ никогда не случалось такъ долго смѣяться, то эхомъ смѣхъ превеликою кончился бѣдою. *Миносъ* получилъ колику, толстой *Радамантъ* получилъ одышку, а у бѣднаго *Ѣака* лопнулъ пузырь, и они кое-какъ доведши до своихъ постелей, сказались больными. И такимъ образомъ засѣданіе адскихъ судей перервалось, и никому было

отправлять судъ надъ ежечасно прибывающими сюда тѣньми.

На другой день послали *Илократа*, ихъ освидѣтельствовать, который донесъ, что у двухъ изъ нихъ лопнули мозговыя перепонки, а у третьева разорвалась въ ушахъ барабанная кожица; слѣдственно двое сошли съ ума, а третій оглохъ и не можетъ выслушивать оправданій. *Плутонъ* взбѣсился, услышавъ сію вѣдомость, и чрезвычайно бранилъ свою жену, обвиняя ее въ семъ несчастіи. *Прозерпина* извинялась, какъ могла, и старалась доказывать, что сіи судьи, не смотря на ихъ поврежденіе, были еще годны для исправленія своихъ должностей, и что она путешествуя по свѣту, никогда не видывала, чтобы отставляли судей, у которыхъ повреждены мозговыя перепонки, или у которыхъ лопнули въ ушахъ тамбурныя колицы; но упрямой *Плутонъ*, не слушая сихъ оправданій, рѣшился посадить на мѣсто старыхъ новыхъ

судей. Въ семъ намѣреніи призвалъ онъ меня, и велѣлъ мнѣ, какъ можно скорѣе летѣть въ свѣтъ, и сыскать трехъ честныхъ и безпристрастныхъ судей, у которыхъ бы мозгъ былъ въ хорошемъ положеніи, и которые притомъ не были бы глухи. Представь, любезный *Маликулькулькъ*, какъ я осполбенѣлъ, услыша такое препорученіе! Ваше адское величество, сказалъ я *Плутону*, дарованія мои такъ слабы, а должность налагаемая вами на меня такъ трудна, что я не надѣюсь отыскать вами желаемыхъ рѣдкостей; и такъ осмѣливаюсь просить у васъ увольненія отъ толь тяжкаго труда, и порученія онаго такому Духу, которой болѣе меня имѣетъ дарованій. — Но я только теряль слова, и старикъ мой былъ неумолимъ; онъ доказывалъ, что ему неотмѣнно нужно, что бы продолжалось засѣданіе, и для того надобны три честные человѣка искусные въ законахъ и безъ всякаго корыстолюбія.

Вотъ какая поручена мнѣ должность, любезный *Максимилиліе*, не несчастливой ли я бѣсъ? Гдѣ сыщу я три такія чуда? Ябъ лучше согласился быть *Танталомъ* или *Иксіономъ*, нежели искать такія рѣдкости; однакожъ съ богами шутить дурно; надобно повиноваться, и я намѣрился чрезъ три часа отправиться на землю; а между тѣмъ хотѣлъ посовѣтоваться съ нѣкоторыми тѣнями, которыя у насъ славны мудростію; но запримѣтить, любезный *Максимилиліе*, какъ примѣръ начальниковъ развращаетъ подчиненныхъ! Я уже не нашелъ здѣсь ни одной тѣни, которая бы не спаралась подражать *Прозерпинѣ* и не занималась бы модами и чоскою. Я подошелъ къ *Гераклиту*, думая, что сей печальный Философъ можетъ мнѣ подать наставленіе; но и тотъ у насъ не безъ дѣла. *Прозерпина* по частому его плаканью заключила, что онъ можетъ быть очень хорошимъ трагическимъ актеромъ,

и потому я нашелъ его занятаго ученіемъ какой-то плаксивой роли изъ новыхъ трагедій. Ахъ! подумалъ я самъ въ себѣ, сколько на землѣ въ нынѣшніе вѣки умираетъ такихъ людей, которымъ нуженъ бы былъ одинъ слабый примѣръ ихъ владѣтеля, что бы сдѣлаться *Цицеронами*, *Катонами* и *Демосѳенами*, и которые вмѣсто того проводили всю жизнь свою въ вымышленіи новыхъ нарядовъ и надъ чоскою своихъ волосъ! Я перебиралъ въ умѣ многихъ древнихъ Государей, и видѣлъ, что *Виргилій*, *Горацій*, *Вароны*, *Расцины*, *Боалы* и *Молїеры* бывали по большей части только тогда, когда жили *Титы* и *Людовики* XIV, или когда они не боялись разсердить тѣмъ, что они умны, того, кто можетъ у нихъ отнять умы вмѣстѣ съ головами. Наконецъ разсужденія мои кончились тѣмъ, что мнѣ надобно было отправиться въ свѣтъ, не получа ни отъ кого никакого совѣта, о чемъ я очень печа-

лился, какъ вдругъ увидѣлъ предъ собою *Діогена* и *Демокрита*, которые хохотали во все горло. — Скоро ли ты отправляешься, спросилъ меня *Демокритъ*, искать намъ честныхъ судей? Ахъ! отвѣчалъ я, въ сей же часъ, но не знаю, какимъ образомъ окончится моя поѣздка; только думаю, что мнѣ вѣчно въ адъ не возвращаться. — Не отчаявайся, сказалъ *Діогенъ*, ты очень уже худо думаешь о свѣтѣ; я напротивъ того отъ всѣхъ новоприбывающихъ сюда судей слышу, что тамъ нынѣ въ судахъ всѣ честные люди; и что нѣсколько уже тому назадъ вѣковъ, какъ бездѣльники и крючкотворцы выгнаны изъ приказовъ. Я совѣтовалъ бы тебѣ летѣть на Сѣверъ, тамъ можетъ быть, найдешь ты надобное тебѣ число такихъ судей.... Я вѣрю, сказалъ *Демокритъ*, что нынѣ правосудіе не съ молотка продается и захохоталъ во все горло.... Ахъ! отвѣчалъ я печально, и я вѣрю тебѣ *Діогенъ*;

но скажи мнѣ, отъ чего это, что съ того свѣта большая часть судей приходитъ къ намъ въ богатыхъ кафтанахъ, а тѣни челобитчиковъ являются сюда нагія; а часто и тѣ самыя изъ нихъ, которыя выиграли свой искъ, приходятъ въ однихъ рубашкахъ! — Любезной другъ, отвѣчалъ *Діогенъ*, ты уже знаешь отъ *Прозерпины*, что значитъ слово *мода*; и такъ, можетъ быть нынѣ на землѣ такая мода, чтобъ челобитчики ходили полунагіе, а судьи въ богатыхъ платьяхъ; вить надобно же чемъ нибудь различать состоянія.... Такъ, такъ, перехватилъ *Демокритъ*, видно, что это самая полезная мода, для того, что она уже давно въ употребленіи. — Оставьте ваши шутки, сказалъ я имъ, и скажите мнѣ лучше, какимъ образомъ могу я отыскать такія рѣдкости, вы были на землѣ и можете меня просвѣтить въ семъ случаѣ. — Съ охотою, сказалъ *Діогенъ*, во первыхъ, старайся сыскать такія

приказныя мѣста, которыя слывутъ нажиточными, и въ нихъ ищи судей, которые бы были бѣдны и имѣли бы богатыхъ челобитчиковъ; это первой знакъ, что судья некорыстолюбивъ. Потомъ, какъ скоро ты увидишь, что его подъячіе не пьяны, то это значитъ, что онъ умѣетъ ими управлять. И наконецъ, ежели ты увидишь, что у него случится дѣло знатнаго богача съ невиннымъ бѣднякомъ и простолюдимомъ; естьли богачь проиграетъ свое дѣло, то я даю тебѣ совѣтъ, не мѣшкая ни минуты звать его сюда. *Демокритъ* ни въ одномъ словѣ не споривъ съ словами *Діогена*, но только говорилъ, что это найти очень трудно, однакожъ желалъ мнѣ всякаго счастія, и смѣясь дурачествамъ *Прозерпины*, и чудному предпріятію *Плутона*, удалился отъ меня съ *Діогеномъ*, къ *Прозерпинину* уборному столику.

Вотъ, любезный *Маликулмулькъ*, мои обстоятельства, признайся, не

въ жалкомъ ли я положеніи; право я боюсь, чтобъ не разстаться навсегда съ адомъ; и такъ прошу твоего совѣта, и надѣясь на твой разумъ, ожидаю отъ тебя сей помощи.

ПИСЬМО IV.

Отъ Сильфа Дальновида къ волшебнику Маликульмульку.

Когда я размышляю, мудрый и ученый *Маликульмульку*, о поведеніи большей части людей нынѣшняго свѣта, то признаюсь, что не только извиняю, но даже хвалю поступки и образъ мыслей людей, которымъ даютъ названіе *Мизантроповъ* (*). Все то, чемъ ихъ упрекаютъ, есть нѣкоторымъ образомъ хвала ихъ добро-

---

(*) Мизантропъ, нелюдимъ или человѣконенавидецъ.

дѣтели. Какой смертный, слѣдующій пупемъ истины, не возгнушается тѣхъ гнусныхъ страстей иороковъ, коими свѣтъ сей преисполненъ? Возможно ли, что бы сіе не учинило его суровымъ, унылымъ и задумчивымъ? Напрасно думаютъ, будто люди всегда и во всякое время были одинаковы. Я утверждаю, что слабые смертные никогда не были столь глупы, безумны, порочны и столь достойны сожалѣнія, какъ нынѣ. Весьма нужно, что бы въ каждомъ Государствѣ побольше было сихъ *Мисантроповъ*, дабы люди могли пользоваться наставленіями, упреками и колкими насмѣшками сихъ угрюмыхъ Философовъ.

Такъ, мудрый и ученый *Маликулмулкъ*, я весьма въ томъ увѣренъ, что ничто не можетъ быть столь полезно для благосостоянія общества, какъ великое число сихъ *Мисантроповъ*; я почитаю ихъ за наставниковъ и учителей рода человѣческаго. Одна

половина свѣта, занимаясь бездѣлками, повержена нынѣ въ совершенное ребячество; а другая одержима бѣшенствомъ! И такъ, должно поступать съ людьми или какъ съ младенцами, или какъ съ бѣшеными. — Обыкновенные Философы, мудрецы и ученые не могутъ болѣе быть ихъ путеводителями; всѣ ихъ премудрыя поученія, не сдѣлаютъ никакого впечатлѣнія надъ развращенными ихъ умами, надлежитъ употребить на сіе гораздо строжайшихъ наставниковъ; однимъ словомъ: такихъ, каковы *Мизантропы*.

Возмогутъ ли всѣ наставленія *Сенеки* и *Епиктета* произвесть какое дѣйствіе надъ глупою головою *Петистра*? Сдѣлаютъ ли они его разумнѣйшимъ? Заставятъ ли быть полезнымъ обществу, и не принимать болѣе на себя тѣхъ смѣшныхъ тѣлодвиженій и ужимокъ, чрезъ кои уподобляется онъ обезьянѣ? Безъ сомнѣнія всѣ рѣчи сихъ великихъ Филосо-

фовѣ останутся безуспѣшны. Тщетно будутѣ они прославлять предѣ нимѣ добродѣтель и описывать всю гнусность пороковѣ: онѣ насмѣхаясь какѣ имѣ самимѣ, такѣ и ихѣ словамѣ, вмѣсто отвѣта сдѣлаетѣ можетѣ быть нѣсколько странныхѣ прыжковѣ, или пропоетѣ какую пѣсенку изѣ новой оперы. Но *Мизантролѣ*, привыкнувшій не обинуясь говорить истину, есть человѣкѣ могущій заставишь сего шалуна войти вѣ самаго себя. „Поступки твои, ска„жетѣ онѣ ему, забавляютѣ меня „нѣсколько минутѣ, но наконецѣ ста„новятся несносны. Признаюсь, что „ты очень забавенѣ, и я не могу „смотрѣть на тебя безѣ смѣха, одна„кожѣ напослѣдокѣ ты чрезмѣрно „наскучишь. Хочешь ли, скажетѣ онѣ „ему, продолжая свою рѣчь, чтобѣ я „говорилѣ сѣ тобою чистосердечно? „Мнѣ весьма удивительно, что по „сихѣ порѣ ты и тебѣ подобные, „не предложили еще Правительству,

„„дабы учреждено было особое собра-
„„ніе, гдѣ вознаграждались бы всѣ
„„модныя ваши дурачества. Я увѣренъ,
„„что тогда былъ бы ты изъ числа
„„первѣйшихъ, могущихъ льстишься
„„возчувствовать на себѣ опытъ сего
„„сколь благоустроеннаго заведенія;
„„потому наиболѣе, что нѣтъ никого
„„даже и изъ твоихъ сотоварищей,
„„кто бы могъ съ такимъ искуствомъ
„„какъ ты, дѣлать страннѣйшія тѣло-
„„движенія, шаркать ногами, кривлять
„„ротъ, обращать по модному глаза,
„„болтать то, чего самъ не пони-
„„маешь, смѣяться безъ намѣренія,
„„печалиться безъ причины, и лгать
„„съ такимъ увѣрительнымъ видомъ
„„и смѣлостію, какъ другой говоритъ
„„правду. „„

Сіи язвительныя шутки, мудрый и ученый *Малькульмулькъ*, произнесенныя съ насмѣшливымъ видомъ такого человѣка, каковъ *Писантролъ*, дѣлаютъ больше впечатлѣнія и болѣе поражаютъ сердца, нежели наилучшія

Философическія рѣчи. Всѣ Сочинители правоученія, и всѣ Проповѣдники, не возмогли еще отвлечь ни одного Петиметра отъ его глупостей; напротивъ того, *Мизантропъ* *Мольеровъ* болѣе сдѣлалъ добра Франціи, нежели проповѣди *Бурдаловы* и прочихъ ему подобныхъ Проповѣдниковъ. И такъ, когда простой списокъ произвелъ столь много пользы, то что должно ожидать отъ подлинника?

Врожденное людямъ самолюбіе управляетъ съ самаго почти младенчества всѣми ихъ дѣяніями. Не льзя сыскать лучшаго средства къ исправленію ихъ погрѣшностей, какъ изобразя гнусность ихъ пороковъ, коимъ они порабощены, обращать ихъ въ насмѣшку; а чрезъ то уязвлять сродное каждому человѣку тщеславіе. Никто не можетъ исполнить сіе съ лучшимъ успѣхомъ какъ *Мизантропъ;* слѣдовательно нѣтъ человѣка, который столько бы полезенъ былъ обществу какъ онъ.

Когда я взираю на сихъ людей, кои не безпокоясь нимало о томъ, что будутъ объ нихъ говорить, не опасаясь злобы и ненависти своихъ сограждан, съ презрѣніемъ и смѣло осуждаютъ все то, что видятъ въ нихъ худова; тогда кажется мнѣ, будто вижу врачей окруженныхъ множествомъ больныхъ, кои видя, что не хотятъ они пользоваться обыкновенными способами, принуждены бываютъ для спасенія ихъ жизни, дать имъ противъ воли лѣкарства, хотя по истинѣ не весьма вкусныя; но способныя возстановить ихъ здоровье.

Пусть осуждаютъ, сколько хотятъ, грубость и странные, по мнѣнію нѣкоторыхъ людей, поступки *Мисантроповъ*, я буду всегда утверждать, что почти не возможно быть совершенно честнымъ человѣкомъ, не бывъ нѣсколько имъ подобнымъ. Не уже ли долженъ я почитать за добродѣтель подлое ласкательство Придворнаго,

готоваго всегда ублажать не только слабости своего Государя, но даже и тѣхъ людей, отъ кого онъ надѣется получить какое благодѣяніе? Достоинъ ли моей похвалы попъ Французской Аббатъ, который, желая снискать благосклонность своего Епископа, превозноситъ до небесъ его глупости, который хвалитъ въ немъ добродѣтели, коихъ онъ никогда не имѣлъ, и который расточительность его называетъ нелюбостяжаніемъ, невѣжество простосердечіемъ; а злость и суевѣріе священною ревностію? Нѣтъ, премудрый *Наликильмулкъ*, я чувствую, что неприличность сихъ гнусныхъ правовъ возмущаетъ мою душу, и потому спокойно болѣе предпочитаю симъ подлымъ льстецамъ *Мисантропа*, человѣка угрюмаго, нетерпѣливаго и бѣшенаго, буде хотятъ, чтобъ я его такъ назвалъ: но коего сердце наполнено притомъ справедливостію, чистосердечіемъ, добродѣтелію, и который неспособенъ ни лгать, ни приворяться.

Естьли бы при Дворахъ Государей находилось нѣкоторое число *Мисантроповъ*, то какое счастіе послѣдовало бы тогда для всего народа! Каждый Государь, внимая гласу ихъ, познавалъ бы тотъ часъ истину. Одинъ *Мисантропъ* истребилъ бы въ минуту всѣ нѣ злодѣянія, кои пятьдесятъ льстецовъ въ продолженіи цѣлаго мѣсяца причинили. Министры, судьи, вельможи, однимъ словомъ: всѣ тѣ, коимъ ввѣрено благосостояніе народное, препетали бы при единомъ названіи *Мисантропа*. „Надлежитъ „исполнить, сказали бы они, со все„возможною ревностію возложенныя „на насъ должности. Ничто не можетъ „остановить сего ужаснаго предвоз„вѣстника истины. Скоро гласъ его „раздастся повсюду, и достигнувъ „престола, извѣститъ Государя о „всѣхъ тайныхъ нашихъ дѣлахъ. Есть„ли не ужасаемся мы оскорблять „истину и добродѣтель, то да стра„шимся по крайней мѣрѣ необузган-

„чаго языка *Мизантропова*, и когда „пристрастія и пороки усыпили уже „нашу совѣсть, то надлежитъ по „крайней мѣрѣ стараться, чтобъ не „подозрѣвалъ онъ ни въ чемъ нашей „честности.„

Мизантропъ не только можетъ споспѣшествовать пользѣ народной, но и благосостоянію самаго Государя: онъ научалъ бы своимъ примѣромъ какъ придворныхъ, такъ и подданныхъ, что усердіе и ревностныя услуги должны быть оказываемы единственно Государю, а не его вельможамъ. Я помню, что читалъ нѣкогда прекрасное описаніе *Мизантропа*, находившагося въ службѣ Лудовика XIII. Сей человѣкъ, имѣя при Дворѣ не малый чинъ, не оказывалъ никогда ни малѣйшаго почтенія Кардиналу Ришелье. „Я его не боюсь и не почитаю, сказалъ онъ нѣкогда разговаривая о семъ Министрѣ. „Я служу „Королю; ревность и усердіе мое „оказываю только одному ему; а въ

„прочемъ мало безпокоюсь, любитъ „ли меня кто или ненавидитъ.„ Сіи слова привели въ великое удивленіе Кардинала: онъ велѣлъ сказать сему *Мисантролу*, что естьли онъ одинъ только разъ скажетъ ему: „Госпо„динъ Кардиналъ, я вашъ покорнѣйшій „слуга, и прошу вашего покровительс„тва, то постарается онъ снискать „ему счастіе, и навсегда останется „его другомъ.„ На сіе предложеніе *Мисантролъ*, отвѣтствовалъ: „что „онъ служитъ Королю, а не Госпо„дину Кардиналу; и что не имѣетъ „нужды ни въ чьемъ покровитель„ствѣ, кромѣ своего Государя, что ложъ „касается до дружбы сего Министра, „то онъ столько ею не уважаетъ, „что естьлибъ Король приказалъ ему „убить Господина Кардинала, то не „преминулъ бы онъ въ четверть часа „исполнить сіе повелѣніе.„ Одинъ только *Мисантролъ* можетъ имѣть столь безкорыстныя, и столь преданныя къ своему Государю чувстно-

ванія. Я повторяю еще, мудрый и ученый *Маликульмилкъ*, чтобъ быть совершенно честнымъ человѣкомъ, надлежитъ быть нѣсколько подобнымъ *Мисантролу*.

Наконецъ чрезъ названіе *Мисантрола*, не разумѣю я здѣсь того бѣшенаго и несноснѣйшаго врага самому себѣ и всему роду человѣческому, который ненавидитъ за то, что они люди. Я желаю, чтобъ тотъ суровый и задумчивый мудрецъ, о коемъ я говорю, ненавидѣлъ только пороки, сожалѣлъ о порочныхъ; и чтобъ, упрекая людей зараженныхъ оными, поставлялъ главнѣйшимъ своимъ предметомъ ихъ исправленіе. Между *Мисантроломъ*, коего писалъ *Молиеръ*, и тѣмъ бѣшенымъ Аѳинянином, о которомъ *Плутархъ* насъ увѣдомляетъ, находится величайшее различіе. Весьма несвойственно приписали *Тимону* названіе *Мизантрола*, надлежало бы лучше назвать его *лютымъ звѣремъ*, или *разъяренымъ медвѣдемъ*. Должно

ли почитать человѣкомъ того, который былъ свирѣпѣе льва и кровожаднѣе тигра? Сей извергъ человѣчества, о которомъ я говорю, жилъ одинъ въ загородномъ своемъ домѣ близъ города Аѳинъ, гдѣ не имѣлъ ни съ кѣмъ больше знакомства, кромѣ одного только *Алкивіада*. Когда вопрошали его, почему ненавидя вообще всѣхъ людей, предпочелъ онъ сего молодаго Грека прочимъ людямъ, то отвѣтствовалъ онъ на сіе слѣдующее: „Я люблю и имѣю знакомство съ Алкивіадомъ для того, что „предвижу заранѣе тѣ бѣдствія, которыя причинитъ онъ нѣкогда всей „Республикѣ. Не думайте, что бы „дружество меня съ нимъ соединило: „нѣтъ! меня прельщаетъ только „тотъ огонь, которымъ онъ него „вся Греція воспылаетъ.„

Ненависть *Тимонова* къ своимъ соотчичамъ проспиралась до такой крайности, что всякое зло, имъ причиненное, приводило его въ восхи-

щеніе. Разсказываютъ, что въ саду загороднаго его дома было нѣсколько деревьевъ, на которыхъ отчаянные люди оканчивали обыкновенно дни свои удавкою. Онъ имѣя намѣреніе вырубить сіи деревья, дабы на томъ мѣстѣ построить нѣкоторое зданіе, пошелъ прежде въ Аѳины, гдѣ созвалъ весь народъ на большую площадь. Греки, пораженные необычайнымъ симъ созывомъ, бѣжали туда толпами; однакожъ весьма худо награждены были за свое любопытство. *Тимонъ* увѣдомилъ ихъ, что онъ за благоразсудилъ чрезъ нѣсколько дней срубить деревья, находящіяся у него въ саду, и для того заблаговременно даетъ знать, буде кто имѣетъ желаніе удавиться, то чтобъ не теряли времени. Послѣ сей прекрасной и трогающей рѣчи, распустилъ онъ своихъ слушателей. По моему мнѣнію весьма бы хорошо сдѣлали, естьлибъ сего краснорѣчиваго Оратора убили они въ тужъ минуту каменьями.

Сихъ изверговъ человѣчества, надлежитъ истреблять со всевозможною поспѣшностію, опасаясь, дабы ядъ пагубныхъ ихъ предразсудковъ не повредилъ людей, наклонныхъ и безъ того болѣе ко злу, нежели къ добродѣтели. Какихъ слѣдствій долженствовала ожидать Грецiя отъ учрежденной тамъ Цинической Секты? И такъ, когда нашлись столь глупые и столь безумные люди, кои при глазахъ цѣлаго народа не стыдились отправлять безчиннѣйшія дѣянія, то легко можетъ такъ же случиться, что соберется когда нибудь скопище подобныхъ *Тимону* бѣшеныхъ людей, кои объявя себя явно смертельными врагами человѣческаго рода, увѣщаватъ будутъ всякаго съ ними встрѣчающагося, дабы онъ безъ дальнаго размышленiя, какъ возможно скорѣе удавился.

Я думаю, ты согласишься со мною, мудрый и ученый *Малкильмулкъ*, что Аѳиняне весьма бы благо-

разумно поступили, естьли бы они наказали смертію *Тимона* за дерзновенную его рѣчь. Кажется мнѣ, что довольно уже я изъяснилъ, какое великое различіе находится между симъ бѣснующимся и *Мизантропомъ*; одинъ ненавидѣлъ людей, а другой ненавидѣлъ только ихъ пороки. Наконецъ, остается намъ желать, премудрый *Маликулмулькъ*, чтобъ Небо низпослало людямъ друга, такого мудраго *Мизантропа*, который, уличая ихъ въ погрѣшностяхъ, побуждалъ бы чрезъ то къ исправленію оныхъ.

ПИСЬМО V.

Отъ Астарота къ волшебнику Маликулмулку.

Отсутствіе мое изъ ада, мудрый и ученый *Маликулмулькъ*, есть главнѣйшая причина моего молчанія. Я принужденъ былъ болѣе двухъ мѣсяцовъ

пробыть въ Парижѣ. Тебѣ извѣстно, что со временъ великаго Агриппы, открывшаго людямъ шайну вызывать насъ противъ воли на тотъ свѣтъ, не рѣдко мы принуждены бываемъ, оставя мрачное наше жилище, исполнять ихъ повелѣнія.

Нѣкоторый Стихотворецъ, коего обстоятельства были въ великой разстройкѣ, принужденнымъ себя нашелъ, страшнѣйшими заклинаніями призывать насъ къ себѣ на помощь. Веелзевулъ, услыша томный голосъ сего питомца Музъ, приказалъ мнѣ освѣдомиться немедленно, чего онъ желаетъ. Исполняя сіе повелѣніе, предсталъ я предъ него въ видѣ таможеннаго сборщика. „Что тебѣ на„добно? сказалъ я ему: я тотъ бѣсъ, „коего ты призывалъ: говори, жела„нія твои будутъ исполнены. — Я „вижу, отвѣтствовалъ Стихотворецъ „запинаясь отъ робости, что ты „наивеличайшій плутъ и обманщикъ „изъ всего бѣсовскаго вашего рода;

„ибо нарядъ твой показываетъ мнѣ,
„что ты и въ адѣ отправляешь такую
„должность, которая на здѣшнемъ
„свѣтѣ ничего добраго не предвѣ-
„щаетъ. И такъ возвратись опять
„въ прежнее свое жилище: я не столь
„глупъ, чтобъ положился на обѣщаніе
„бѣса, отправляющаго столь скаред-
„ную должность.„

„Ты несправедливо разсуждаешь,
„отвѣтствовалъ я Стихотворцу, о
„моихъ качествахъ; знай, что въ адѣ
„всѣ дѣла дѣлаются не такъ, какъ
„на вашемъ свѣтѣ: у насъ наиче-
„стнѣйшіе бѣсы, коихъ вѣрность ни-
„мало неподозрительна, употребля-
„ляются обыкновенно для сбору до-
„ходовъ; и когда ученый человѣкъ,
„а особливо Стихотворецъ потре-
„буетъ нашей помощи, то всегда
„посылается къ нему бѣсъ откуп-
„щикъ или таможенный сборщикъ;
„ибо намъ извѣстно, что голодъ и
„жажда суть главнѣйшія нужды, въ
„коихъ должно имъ помогать. Когда

„такъ, сказалъ Стихотворецъ, то „сдѣлай милость, употреби какъ „можно поскорѣе извѣстныя тебѣ „средства для утоленія моего голода. „Цѣлые два дни наблюдаю я по неволѣ „наистрожайшій постъ; естьлибъ „ты не подоспѣлъ ко мнѣ на помощь, „то принужденъ бы я былъ продать „на рынкѣ послѣднее мое имущество, „то есть: чернильницу; и думаю, „что въ тогдашнемъ моемъ положе„ніи, охотно бы уступилъ ее за „двухъ копѣшной калачъ. Ты будешь „удовольствованъ, оннѣтствовалъ я „голодному пиѳомцу Музъ. Въ самое „то время увидѣлъ онъ въ своей ком„натѣ сполъ со множествомъ ку„шанья. Ѣшь, сказалъ я ему; а послѣ „поговоримъ о твоихъ дѣлахъ. Онъ „съ великою охотою повиновался мо„ему приказанію, и кушалъ съ такою „умѣренностію, что я опасался, дабы „не лопнулъ у него желудокъ.„

Когда пересталъ онъ ѣсть, потому что болѣе уже въ него не шло, то

спросилъ я его, чего еще онъ отъ меня желаетъ? „Я желалъ бы, отвѣт-„ствовалъ онъ, чтобъ снабдилъ ты „меня знатною суммою денегъ, дабы „не имѣлъ я болѣе нужды безпокоить „тебя моими прозьбами, и чтобъ въ „послѣдующее время не умереть съ „голоду. Сіе не трудно сдѣлать, ска-„залъ я ему, отдавая большой коше-„лекъ съ полновѣсными червонцами. „Не привидѣніе ли это? вскричалъ „онъ съ всхищеніемъ. Въ самомъ ли „дѣлъ существуетъ сіе золото, ко-„торое я вижу; и не сонное ли меч-„таніе льститъ мнѣ благополучіемъ, „которое вскорѣ можетъ быть „исчезнетъ.„

„Не опасайся, отвѣтствовалъ я, „все то, что ты видишь, есть „истина: и нѣтъ тутъ ни малѣйшаго „обмана. — Но скажи мнѣ, что это „за бумаги, которыя въ комнатѣ „твоей повсюду разбросаны? Это, „отвѣтствовалъ Стихотворецъ, Оды, „Сонеты, Мадригалы и Баллады,

„которые сочинилъ я въ похвалу мно-
„гихъ знатныхъ особъ. Такъ не уже
„ли, сказалъ я, съ помощію красно-
„рѣчія и толикихъ лжей, не умѣлъ
„ты сыскать себѣ пропитанія? По
„видимому всѣ тѣ, коихъ осыпалъ
„ты похвалами, не весьма были тара-
„ваты. Я подносилъ свои сочине-
„нія, отвѣтствовалъ Стихотворецъ,
„тѣмъ, коихъ щедрость и велико-
„душіе какъ въ городѣ, такъ и при
„Дворѣ, до небесъ превозносили;
„однакожъ получаемыя мною награ-
„жденія не соотвѣтствовали гремя-
„щей о нихъ славѣ. Одинъ только не
„давно разбогатѣвшій господинъ, ко-
„тораго отецъ былъ конюхомъ, по-
„дарилъ мнѣ шесть лундоровъ за то,
„что вывелъ я его родословную отъ
„великаго Могола. По несчастію про-
„говорился я о семъ подаркѣ нѣкото-
„рому моему пріятелю, такомужъ ни-
„щенствующему Стихотворцу, какъ
„и я былъ до сего времени, который
„столь неотступно ко мнѣ присла-

„валъ, что я принужденъ былъ дать „ему въ займы два луидора. Получа „оныя, выкупилъ онъ тотчасъ свою „трагедію, бывшую въ закладѣ у „служителя нѣкотораго комедіанта, „отдалъ ее на театръ, надѣясь, что „принесетъ она ему очень много „барыша; но при первомъ предста„вленіи ее освистали. Послѣ чего „пріятель мой чрезъ нѣсколько дней „умеръ съ печали; а мои деньги, „такъ же за нимъ во гробъ послѣ„довали.„

„Для чего же, спросилъ я у Стихо„творца, будучи такъ несчастливъ „въ ученыхъ своихъ дѣлахъ, не при„нялся ты за другой какой промы„селъ? Мнѣ кажется, что состояніе „сытаго извощика, гораздо предпо„чтительнѣе состоянію голоднаго „Стихотворца. Прилѣпляясь къ Му„замъ, чаще дѣлаютъ себѣ вредъ, не„жели пользу. Возможно ли, оправѣт„ствовалъ мнѣ ученикъ Аполлоновъ, „чтобъ человѣкъ привыкнувшій взи-

„рать на себя, какъ на нѣкоторый „родъ божества, могъ упражняться „въ постыдномъ какомъ промыслѣ? „Тщеславіе и пристрастіе къ стихо- „творству управляли всѣми моими „дѣяніями. Сіи слабости свойственны „не только мнѣ, но и всей моей со- „братіи; нѣтъ ни одного изъ насъ, „которой бы не ставилъ себя „выше всего на свѣтѣ. Когда сравни- „ваемъ мы Гомера съ Ахиллесомъ, „или Августа съ Виргиліемъ, то „дѣлаемъ сіе нарочно для того, чтобъ „усугубить собственную нашу славу. „Естьлибъ найденъ былъ такой спо- „собъ, чтобъ человѣкъ могъ пробыть „безъ пищи, то я увѣренъ, что „большая часть Писателей, предпочли „бы свои дарованія престоламъ вели- „чайшихъ Государей. Скалигеръ гово- „рилъ, что онъ охотнѣе бы согла- „сился быть Гораціемъ, нежели Неапо- „литанскимъ и Сицилійскимъ Коро- „лемъ. Однакожъ, думаю, естьлибъ „случилось ему быть въ такой край-

„ности, въ какой находился я, до „твоего ко мнѣ прибытія, то пере„мѣнилъ бы конечно свои мысли.„ Утѣшься, сказалъ я Стихотворцу, „впредь не будешь ты имѣть ни „въ чемъ недостатка.„ Сказавъ сіи слова, хотѣлъ было я отъ него удалиться; но онъ усильно меня просилъ, дабы позволилъ я ему представить къ себѣ нѣкотораго его пріятеля, желающаго вступить въ приказную службу. Я не премину увѣдомить тебя послѣ, мудрый и ученый *Малкулмулькъ*, о разговорѣ, который былъ у насъ съ симъ человѣкомъ.

ПИСЬМО VI.

Отъ Гнома Зора къ волшебнику Малкулмулку.

Вчерашняго дня, любезный *Малкулмулькъ*, вылетѣлъ я изъ своего жилища на свѣтъ для набранія надоб-

ныхъ людей и для закупки уборовъ, о которыхъ, при самомъ моемъ отправленіи изъ ада, препоручено мнѣ было. Имѣя множество денегъ, при которыхъ, какъ сказываютъ, нѣтъ ничего въ свѣтѣ невозможнаго, ты подумаешь, что я въ одну минуту могъ исполнить желаніе *Прозерпины;* но какъ ты удивишься, когда узнаешь, что ничего нѣтъ труднѣе такихъ препорученій.

Вылетѣвъ на поверхность земли, устремился я прямо къ средоточію роскоши: то есть, къ большому, великолѣпному и многолюдному городу Европы. Жители онаго могутъ по справедливости почитаться нынѣ поравнявшимися съ самыми тѣми, которые въ сей части свѣта издавна почитаются образцами новыхъ изобрѣтеній, и кои стараются весьма искусно выводить истинную добродѣтель. Ихъ-то Философіи обязанъ нынѣ свѣтъ многими такъ называющимися *людьми безъ предразсужденія*,

которые за кусокъ золота въ состояніи продашь своихъ друзей, родню, или и все свое отечество, для того только, чтобъ посредствомъ онаго показаться въ хорошихъ нарядахъ и великолѣпныхъ колесницахъ. По таковымъ подлинникамъ можно судить и о спискахъ, не уступающихъ образцамъ своимъ въ свойственной имъ добротѣ, и навѣрное угадашь, что я сыскавъ столь честныя селенія, не почелъ за нужное летѣть далѣе, а избралъ сей городъ лавкою своихъ покупокъ.

Чтобъ знать вкусъ въ нарядахъ, надобно непремѣнно хорошее знакомство, а чтобъ имѣть оное, нужны деньги, почитающіяся всеобщимъ ключемъ, которымъ нынѣ заводятся большіе часы свѣта. Слѣдуя сему правилу, я принялъ видъ молодаго и пригожаго человѣка, потому что цвѣтущая молодость, пріятность и красота, въ нынѣшнее время, такъ же въ весьма немаломъ уваженіи, и при

нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ сказываютъ, производятъ великія чудеса; а при столь выгодной наружности, не позабылъ я представить себя въ богатомъ кафтанѣ, въ которомъ, можетъ быть, почли бы меня за какого нибудь ученаго, естьлибъ не былъ онъ весь въ золотѣ. Не успѣлъ я показаться въ семъ видѣ, въ одномъ изъ тѣхъ трактировъ, въ которыхъ прибѣжіе находятъ себѣ пристанище, какъ премножество молодыхъ людей кричали мнѣ свои привѣтствія, и каждый изъ нихъ предлагалъ мнѣ тысячу услугъ. Петиметръ обѣщалъ меня познакомить съ своимъ портнымъ и парикмахеромъ, пьяница хотѣлъ весть въ такой трактиръ, въ которомъ продаются лучшія вина; а каршежникъ шепталъ мнѣ на ухо, что бы итти съ нимъ обыгрывать его знакомаго на вѣрную, но я проницаніемъ своимъ узналъ, что онъ, такими услугами, разорилъ уже не одну дюжину безумцевъ.

Всѣ вообще спрашивали меня, кто я таковъ? откуда пріѣхалъ? и какая моя надобность? — Милостивый государь! сказалъ мнѣ одинъ изъ нихъ, находившійся съ разтрепанными волосами, который былъ уже въ полпьяна и допивалъ шестую порцію пуншу, не тяжба ли какая причиною вашего сюда пріѣзда? Естьли такъ, то я охотно предлагаю вамъ свои услуги, дядя мой знатной человѣкъ, и онъ за удовольствіе себѣ почтетъ склонить судей на вашу сторону, былибъ только худы обстоятельства вашего дѣла! Вамъ стоитъ токмо уступить дядюшкѣ половину иска, и я васъ увѣряю, что спорная земля ваша. Вы можете узнать отъ другихъ, что въ 15 лѣтъ по вступленіи его въ свою должность, онъ тысячу дѣлъ повороталъ на такую сторону, на какую ему захотѣлось; впрочемъ, естьли вамъ нужда, то я увѣряю васъ своимъ и дядюшкинымъ честнымъ словомъ, что онъ, за весьма сходную

цѣму, согласится уморить въ тюрьмѣ вашихъ соперниковъ. Я благодарилъ сего добраго человѣка, и признавался ему, что мнѣ нѣтъ нужды въ его услугахъ; это его нѣсколько разсердило, и онъ въ молчаніи принялся допивать шестую свою порцію пуншу.

Я не успѣлъ еще отблагодарить сего услужливаго человѣка, какъ вошелъ въ комнату, съ опухлыми глазами, съ разстегнутымъ камзоломъ и съ обкусанными губами молодой человѣкъ, спросилъ чашку шоколаду; я бы почелъ его за какого нибудь питомца Музъ, естьли бы поданная ему въ долгъ чашка шоколаду не опровергла сего мнѣнія; ибо мнѣ извѣстно, опъ тѣней преселяющихся въ адъ, что въ свѣтѣ всѣ ученые весьма малую имѣютъ довѣренность. Я сѣлъ подлѣ его въ намѣреніи свесть съ нимъ знакомство, и подлинно мы не долго были съ нимъ въ молчаніи; онъ первый началъ разговоръ слѣдую-

щимъ образомъ: по моему мнѣнію, государь мой! нѣтъ никакой науки труднѣе пюй, которая учитъ, какъ жить въ свѣтѣ! Чортъ меня возьми! вскричалъ онъ, естьли не сущее дурачество дѣлаютъ тѣ, которые предписываютъ тому правила. — Это правда, государь мой! отвѣчалъ я; ибо правила могутъ быть непремѣнными въ одной только Математикѣ, но въ повсечасно перемѣняющихся случаяхъ ихъ соблюсти неудобно; и правила, касательно до общежитія, такъ же способно предписать, какъ удобно шить кафтаны по одной мѣркѣ на весь городъ; однакожъ, со всѣмъ тѣмъ, должно въ жизни предполагать главнѣйшія начала, которымъ слѣдуя, можно принаравливать оные къ случающимся обстоятельствамъ. Напримѣръ: естьли кто положитъ себѣ правиломъ быть тѣмъ довольну, что имѣетъ и сноситъ великодушно случающіяся несчастія, почитая ихъ неизбѣжными въ сей

жизни, тотъ.... Эхъ, государь мой! перехватилъ онъ рѣчь мою, это по же, какъ бы кто сказалъ, что не мудрено познать систему свѣта, нужно только выучить Математику Физику! Слово: выучить Математику, произносится очень легко, но въ немъ замыкается тысяча препятствій, и его не такъ-то удобно можно исполнить. Многіе Философы говорили, что надобно быть всѣмъ довольну, признавая, что въ семъ общемъ положеніи много заключается, но на самомъ дѣлѣ не легко оное исполнить, я самъ по себѣ это знаю; взявъ отъ отца 1000 рублевъ на годъ, я пріѣзжаю сюда въ намѣреніи не желать ничего болѣе, и подлинно думаю такъ нѣсколько мѣсяцовъ; но наконецъ нахожу знакомцевъ, которые неверднятъ мнѣ безпрестанно, что я бѣденъ, что Графъ *Безлютовъ* имѣетъ въ десять разъ лучшее содержаніе, нежели я, и все это заслужилъ только тѣмъ, что родился

отъ знатнаго отца; что молодой *Безщетовъ* имѣетъ лучшихъ лошадей въ городѣ и прекрасную любовницу, а сдѣлалъ важнаго для отечества только то, что посредствомъ своихъ денегъ надѣлъ на себя военной мундиръ, довольно порядочной степени, и умножилъ тѣмъ число титулярныхъ служивыхъ. Послѣ сего, говорятъ мнѣ, чтобъ состояніе свое поправилъ картами, и доказываютъ ясно, что ничего нѣтъ легче, какъ выиграть 10000 рублей въ одинъ вечеръ; я этому вѣрю, беру карты, меня вводятъ въ одинъ домъ, гдѣ указываютъ мнѣ собраніе сихъ счастливцевъ, изъ которыхъ большая половина сидѣли въ отчаяніи, безъ кафтановъ и безъ камзоловъ; это меня нѣсколько устрашило, но пріятели мои принимаются за убѣдительныя свои доказательства, и говорятъ, что когда двое играютъ, то неотмѣнно должно, чтобъ одинъ изъ нихъ проигралъ, а другой выигралъ. Сіи самые полунагіе

служатъ доказательствомъ, что есть счастливцы, которые у нихъ все выиграли, послѣ чего я сажусь и проигрываю свой годовой доходъ, потомъ на 3000 даю векселей. Теперь скажите, могу ли я быть довольнымъ моими обстоятельствами? Однакожъ, сударь, продолжалъ онъ, естьли вамъ угодно, и когда есть у васъ деньги, то вы можете сдѣлать и свое и мое счастіе; пойдемте только въ тотъ домъ, гдѣ пополамъ конечно мы отыграемъ у сихъ счастливцевъ, чего они меня лишили, а можетъ быть, что и во сто разъ болѣе у нихъ у самихъ выиграемъ. — Онъ бы еще далѣе продолжалъ свою рѣчь, естьли бы не вошелъ тогда одинъ его знакомецъ, который нѣчто шепнулъ ему на ухо, и мой несчастливой картежникъ бросился стремглавъ изъ комнаты, сказавъ намъ, что онъ идетъ вновь спорить со счастіемъ. Лишь только онъ вышелъ, то его другъ, которой на нѣсколько времени оста-

вался съ нами, зачалъ говорить съ другими своими знакомцами, и я слышалъ, какъ они сговаривались обыграть того молодаго человѣка, за которымъ тотъ же часъ вышли. Вотъ, ученый *Маликульмулькъ*, малая картина людей. — Нынѣ весь свѣтъ играетъ въ карты, и всегда двое продаютъ третьяго. Я писалъ о семъ къ *Діогену*, и заключилъ, что можно судить по картамъ и о Политикѣ; но онъ отвѣчалъ мнѣ, что въ его время не играли въ карты и не знали Политики, и потому проситъ отъ меня другова сравненія; но оставимъ это и возвратимся къ моей повѣсти. Лишь только вышла толпа соединенныхъ сихъ картежниковъ, то вошелъ въ комнату пребогато одѣтой человѣкъ. Вотъ, думалъ я самъ въ себѣ, тотъ, кого мнѣ надобно, отъ него неотмѣнно получу я свѣденіе о модахъ. *Вѣтродумъ*, такъ онъ назывался, зачиналъ говорить о тысячи разныхъ предметахъ и ни объ одномъ не оканчивалъ,

онъ садился для того, что бы сдѣлать изъ себя хорошую фигуру и съ намѣреніемъ пилъ, что бы имѣть случай дѣлать пріятныя ужимки. Между сотнею сдѣланныхъ имъ мнѣ вопросовъ, былъ для меня самый нужный: за чемъ я пріѣхалъ въ городъ? На что я отвѣтствовалъ ему, сколько могъ учтиво; сказавъ, что я богатой дворянинъ и пріѣхалъ въ сей городъ за тѣмъ, чтобъ по прозьбѣ моихъ родственниковъ вывезть имъ модныхъ уборовъ и..... О! что до этова принадлежитъ, вскричалъ онъ, то вы ничего лучше не сдѣлаете, какъ естьли адресуетесь ко мнѣ. Я васъ, въ два часа, коротко познакомлю съ моею шешушкою, которая уже тридцать лѣтъ учится наукѣ нравиться, и почитается здѣсь во всемъ городѣ первою щеголихою. Вы кромѣ ее не получите ни отъ кого подробнѣе наставленія о нарядахъ; да, это женщина такая, которая дѣлаетъ честь своему полу и живетъ прямо

щегольски; днемъ спитъ, ночное время проводитъ въ забавахъ, туалетъ ея занимаетъ 4 часа; обѣденной и вечерней 5; 9 часовъ она провождаетъ во снѣ, а прочее время употребляетъ для своихъ веселостей; словомъ: это *безстрастная женщина*, и мы завтра у нее обѣдаемъ. Послѣ сего онъ схвативъ мою руку, потрясъ оную и скрылся отъ меня, какъ молнія, сказавъ, чтобъ я на другой день дожидался его въ томъ же мѣстѣ. И такъ, любезный *Малкулилулкѣ*, я остаюсь въ нетерпѣливости сдѣлать сіе знакомство, и въ первомъ письмѣ подробнѣе увѣдомлю тебя о сей *безстрастной женщинѣ* и о семъ молодомъ вѣтрениkѣ, которые, можетъ быть, будутъ служить образцами для всего ада.

Я повстрѣчалъ своего брата *Бристона*, онъ очень не весело ходитъ, и не надѣется, чтобъ могъ скоро исполнить приказанія *Плутоновы*, такъ какъ и я *Прозерпинины*.

ПИСЬМО VII.

Отъ Силфа Дальновида къ волшебнику Маликулмулку.

Пробывши нѣсколько дней въ семъ городѣ, мудрый и ученый *Маликулмулкъ*, и летая нѣкогда надъ садомъ, усмотрѣлъ я въ одной темной алеѣ женщину показавшуюся мнѣ старѣе шестидесяти лѣтъ, которая говорила съ великою горячностію съ одною молодою дѣвушкою, имѣющею не болѣе шестнадцати или семнадцати лѣтъ, слушавшею ея, краснѣясь и съ потупленными глазами; любопытствуя услышать, что разговариваютъ сіи двѣ женщины, я подлетѣлъ сѣлъ подлѣ ихъ, и разговоръ ихъ показался мнѣ очень чуднымъ.

Старуха была изъ числа тѣхъ торговокъ, продающихъ модные женскіе уборы, кои получаютъ болѣе прибытка отъ переноса любовныхъ писемъ, отъ склоненія молодыхъ

дѣвушекъ къ любви и отъ назначенія любовникамъ свиданія, нежели отъ продажи кружевъ, чепчиковъ и модныхъ шляпокъ, а молодая дѣвушка, разговаривающая съ нею, была золотошвейка, она имѣла видъ тихой, скромной и постоянной; однакожъ была одѣта богатѣе, нежели, какъ бы было пристойно ея состоянію. Послушай Лизынька, говорила сваруха, ты не должна надѣяться, чтобъ господинъ *Растопшелев* непрестанно осыпалъ тебя своими подарками. Вотъ уже онъ подарилъ тебѣ два платья, три куска полотна и восемь империаловъ на твои забавы; ты все это чрезъ меня получила, но цѣлой уже почти мѣсяцъ ты мнѣ обѣщаешь пріѣхать со мною къ нему, и по сю пору не исполняешь своего слова. Не стыдно ли тебѣ обманывать такова честнаго господина, который дарить тебя столь щедро, и ищетъ только случая сдѣлать тебя счастливою? Ты сама, душинька, теряешь свое

счастіе, и ежели еще поступать будешь такимъ образомъ, то послѣ сама раскаешься, но тогда уже будетъ поздно. Г. *Растопителевъ*, говорилъ уже мнѣ о Машѣ, ему скучно твое упорство, и ежели онъ однажды увидитъ эту дѣвку, то она конечно заступитъ то мѣсто, которое для тебя готовилось; тогда прощай платья, уборы и всѣ забавы, ты ничего уже имѣть не будешь, а по прежнему будешь провождать всю жизнь свою отъ утра до вечера въ шитьѣ золотомъ, и будешь видѣть Машу, которая ничемъ тебя не лучше, одѣтую въ богатое платье и ѣздящую по всѣмъ позорищамъ, такъ, какъ знатную барыню. Такъ, душинька, она будетъ, какъ знатная барыня. Да знаешь ли ты, что Г. *Растопителевъ* намѣренъ для тебя нанять великолѣпной домъ, дать тебѣ богатой экипажъ, и опредѣлить доходъ на всю твою жизнь? Это между нами сказано, я почитаю тебя дѣвицею

скромною, и не опасаюсь, чтобъ ты ему о томъ пересказала; я чрезъ то лишилась бы совсѣмъ его довѣренности, и желая тебѣ услужить, потеряла бы въ немъ хорошаго покровителя. Ты меня знаешь, я не захочу тебя обманывать. Повѣрь, другъ мой, что все это я дѣлаю единственно изъ дружбы къ тебѣ; мнѣ очень досадно, что ты лишаешь себя такого благополучія. Посмотри на всѣхъ оперныхъ дѣвокъ, онѣ великолѣпіемъ своимъ кажутся Графинями; но что были бы онѣ безъ любовниковъ? Имъ не начто бы было купить и башмаковъ. Подумай о своемъ счастіи, ты находишь такого честнаго и щедраго человѣка, который изъ золотошвейки хочетъ сдѣлать тебя подобною знатнымъ госпожамъ, а ты не склоняешься на его предложеніе; ты въ этомъ случаѣ очень не разумна; не стыдно ли тебѣ, я право думала найти въ тебѣ больше разума и разсудка. Ахъ, Боже мой, госпожа *Путана*, отвѣти-

ствовала молодая дѣвица, я очень бы желала быть другомъ Господину *Расточителеву*, да онъ требуетъ отъ меня того, на что мнѣ очень трудно согласиться, и что меня чрезвычайно оскорбить можетъ. Ежели то правда, какъ ты мнѣ сказываешь, что онъ столько меня любитъ, то для чего же все то, о чемъ ты мнѣ упоминала, не хочетъ онъ сдѣлать, не требуя отъ меня ничего, единственно только для того, чтобъ меня тѣмъ больше одолжить? Ежели бы я чувствовала къ господину *Расточителеву* столь великую любовь, какую чувствуетъ онъ, по увѣренію твоему, ко мнѣ, то я не требовала бы отъ него ничего такого, что бы ему не нравилось, и не стала бы просить его о такомъ снизхожденіи, которое бы его огорчило и повредило его честь. На что онъ хочетъ, чтобъ я къ нему пріѣхала? Не видитъ ли онъ меня всегда на гуляньѣ, въ церквѣ, на улицѣ и въ окошкѣ? Я для угожденія ему,

когда онъ стоитъ въ своемъ окнѣ, всегда стараюсь изъ нашего окна ему показываться, и мнѣ кажется, что онъ имѣлъ довольно уже времени на меня насмотрѣться.

Ты разсуждаешь, сказала старуха, такъ какъ трехлѣтней младенецъ. Не ужьли ты думаешь, что Г. *Растопителевъ* можетъ быть доволенъ однимъ только на тебя смотрѣніемъ? Ежели бы ему нужно было только это, то нашелъ бы онъ множество стапуй гораздо тебя прекраснѣе, на которыя смотря могъ бы довольствовать свое зрѣніе, ничего не тратя. Нѣтъ, душинька! для него нужна красота одушевленная, ты показываешь въ себѣ совершенную невинность; однакожъ на самомъ дѣлѣ ты не такъ проста, какою себя показать хочешь; въ твои лѣта можно уже знать, что мущины любятъ женщинъ не съ тѣмъ, чтобъ только на нихъ смотрѣть. Не уже ли ты боишься два часа пробыть наединѣ съ Г. *Растопителевымъ*? О!

повѣрь мнѣ, я тебѣ въ томъ порукою, что такія свиданія не такъ опасны, какъ ты думаешь, и точно тебя увѣряю, что ежели ты два раза такимъ образомъ будешь имѣть съ нимъ свиданіе, то въ третій разъ для самой тебя столько же казаться будетъ пріятно, сколько и для него. Спроси у Наташи, которая очень часто видалась съ Г. *Втроголовъ*, хорошимъ пріятелемъ Г. *Растопчелева*, имѣетъ ли она причину жаловаться на первое уединенное свиданіе, которое она съ нимъ имѣла.

Отъ того-то самаго, опивѣтствовала дѣвушка, что разсказывала мнѣ Наташа, я и боюсь быть наединѣ съ Г. *Растопчелевымъ*. Я никакъ не могла бы снести, ежели бы онъ сталъ со мною такъ же поступать, какъ пріятель его поступалъ съ Наташею... Подумай, госпожа *Плутова*, хотя я и бѣдная золотошвейка; однакожъ столько же уважаю моею честію, какъ и знатная госпожа. Слава Богу,

до нынѣ я ни въ чемъ упрекать себя не могу, и могу побожиться безъ угрызенія совѣсти о моей невинности.

Я очень въ этомъ увѣрена, говорила сиаруха, усмѣхнувшись, и ежели бы ты не была такова, то бы я за тебя не отвѣчала Г. *Растопчинову*; но не уже ли ты хочешь навсегда таковою остаться? Скажи мнѣ, душинька, что лучше, быть честною и цѣломудренною; но худо одѣтою, бѣдною и отъ всѣхъ презрѣнною дѣвушкою: или безъ цѣломудрія, быть богатою, одѣваться въ блистательные наряды, жить въ великолѣпномъ домѣ и ѣздить въ богатомъ экипажѣ; я объ этомъ спрашиваю собственнаго твоего мнѣнія? Посмотри на старую свою мастерицу, у которой ты учишься шить золотомъ, она понынѣ сохраняетъ свое цѣломудріе, но почти умираетъ съ голоду: завидуешь ли ты ея жизни? Взглянии напротивъ того на *Любострасту*,

которая никогда не думала о своемъ цѣломудріи, какой имѣетъ она богатой доходъ! Не захотѣла ли бы и ты жить такъ роскошно, какъ она? Ты слишкомъ уже уважаешь своимъ цѣломудріемъ. Ахъ, другъ мой! повѣрь миѣ, что большая часть дѣвушекъ очень мало о немъ думаютъ, въ твои лѣта оно было бы для нихъ столько же пягостно, какъ сохраненіе тайны для болтливой старухи. Ежели бы я сама была на твоемъ мѣстѣ, то право бы не раздумала продать честь свою за такую дорогую цѣну. Упорство твое кажется миѣ очень смѣшнымъ. Каждой день дѣвокъ по двадцати, а иногда и больше сами просятъ меня, чтобъ я нашла для нихъ такого честнаго человѣка, которой бы захотѣлъ взять ихъ къ себѣ и доставилъ бы имъ порядочную жизнь въ свѣтѣ. Мы нынѣ живемъ, благодаря просвѣщенію, въ такомъ вѣкѣ, въ которомъ оставили уже всѣ глупыя нѣжности и предразсудки. Тѣ, ко-

торые злословятъ дѣвокъ, живущихъ на содержаніи, и говорятъ объ нихъ худо, дѣлаютъ то единственно изъ зависти и изъ ревности; онѣ сами очень охотно хотѣли бы быть на мѣстѣ тѣхъ, которыхъ осуждаютъ. Повѣрь, радость моя, что было очень много дѣвушекъ, гораздо лучшаго передъ тобою сословія, которымъ я доставила выгодныя мѣста; а ты не больше, какъ бѣдная золотошвейка, но такъ много уважаешь своею честію и упорствуешь послѣдовать примѣру другихъ. Ты хочешь въ себѣ показать болѣе цѣломудрія, нежели Графиня *Вѣтрана*, Княжна *Щелестихина* и прочія. Ты съ ума сходишь, душинька, въ тебѣ нѣтъ ни малаго разсудка. Мнѣ надобно надъ тобою сжалиться и постараться привести тебя на истинной путь. Обѣщайся мнѣ, что ты сдержишь свое слово, и сего же дня вечеромъ побѣдешь со мною ужинать къ Г. *Расточителеву*. Я тебѣ буду вмѣсто матери,

почитай меня истиннымъ своимъ другомъ, которой хочешъ сдѣлать тебя благополучною. Ежели ты будешь во всемъ слѣдовать моимъ совѣтамъ, то я постараюсь, чтобъ чрезъ два мѣсяца, было у тебя до тридцати великолѣпныхъ платьевъ, дюжинъ по шести всякаго бѣлья самаго лучшаго и тонкаго, и нѣсколько бриліантовъ. Увѣрь только меня, что ты не будешь впредь такъ глупа, и станешь во всемъ меня слушаться.

Ахъ! Г. *Плутана*, отвѣтствовала молодая дѣвушка закраснѣвшись, я сама вижу, что ты ни говоришь, для меня очень полезно; признаюсь, я чрезвычайно люблю наряды, и для того желала бы пользоваться любовію Г. *Растопителева*, но я все боюсь той страшной минуты, когда буду съ нимъ наединѣ. Желала бы я, ежели бы то было можно, чтобъ ты не отходила отъ меня ни на минуту.

О! ежели только этого тебѣ хочется, сказала старуха, то я не

отрицаюсь тебя удовольствовать. Г. *Расточителевъ* имѣетъ ко мнѣ совершенную довѣренность, и мое присутствіе нимало его не потревожитъ. — Однакожь я прошу тебя, говорила дѣвица, что ежели.... О! будь увѣрена, прервала рѣчь ея старуха, что я тебѣ отвѣтствую за твою безопасность, и надѣюсь, что ты со временемъ за все то сама будешь меня благодарить; когда, слѣдуя моимъ совѣтамъ, увидишь себя живущую въ роскоши и веселостяхъ.

Послѣ сихъ словъ, старуха вышла изъ сада и дѣвушка за нею послѣдовала въ великомъ смущеніи; онѣ обѣ сѣли въ наемную карету и поѣхали въ улицу.... А я, мудрый и ученый *Маликульмулькъ*, опять поднялся на воздухъ, проклиная эту прокляпую старуху, адскую фурію и сообщницу злыхъ духовъ, которая старалась хитрыми своими словами склонить къ потерянію добродѣтели бѣдную и цѣломудренную дѣвку. Я желалъ онъ

всего моего сердца, чтобъ эта старая хрычовка, рано или поздно, получила достойное наказаніе за свои злодѣйства; и чтобъ ее хорошенько выстегали прутьями и засадили бы на всю ея жизнь въ смирительной домъ.

ПИСЬМО VIII.

Отъ Силѳфа Свѣтовида къ волшебнику Маликулъмулъку.

Когда воображаю я, мудрый и ученый *Маликулъмулъкъ*, что человѣкъ ничемъ другимъ не отличается столько отъ прочихъ твореній, какъ великостію своей души, пріобрѣтаемыми познаніями и употребленіемъ въ пользу тѣхъ дарованій, коими Небо его одарило; тогда обратя взоръ мой на жилище смертныхъ, съ сожалѣніемъ вижу, что поверхность обитаемаго ими земнаго шара удручается множествомъ такихъ людей, коихъ бытіе

какъ для нихъ самихъ, такъ и для общества совершенно безполезно, и кои не только не вмѣняютъ въ безчестіе слыть тунеядцами; но по странному нѣкоему предубѣжденію почитаютъ праздность, презрѣніе наукъ и невѣжество наилучшими доказательствами превосходства человѣческаго.

Деревенской дворянинъ, который провождаетъ всю свою жизнь, гоняясь цѣлую недѣлю по полямъ съ собаками; а по воскреснымъ днямъ напиваясь пьянъ съ приходскимъ своимъ священникомъ, почелъ бы обезчещеннымъ благородство древней своей фамиліи, естьлибъ занялся когда чтеніемъ какой нравоучительной книги; ибо съ великимъ трудомъ едва научился онъ разбирать и календарные знаки. Науки почитаетъ онъ совсѣмъ несвойственнымъ для благородныхъ людей упражненіемъ; главнѣйшее же ихъ преимущество поставляетъ въ томъ, чтобъ повторять часто съ над-

менностію сіи слова: *мои деревни, мои крестьяне, мои сабаки* и прочее сему подобное. Онъ думаетъ, что исполняетъ тогда совершенно долгъ дворянина, когда цѣлый день гоняясь за зайцами, возвращается къ вечеру домой, и разсказываетъ съ восторгомъ о тѣхъ неисповѣдимыхъ чудесахъ, которыя надѣлали въ тотъ день любимыя его сабаки: словомъ, ежедневное его упражненіе состоитъ въ томъ, что онъ пьетъ, ѣстъ, спитъ и ѣздитъ съ сабаками.

Дворянинъ живущій въ городѣ и слѣдующій по стопамъ нынѣшнихъ модныхъ вертопраховъ, не лучше разсуждаетъ о наукахъ: хотя и не презираетъ онъ ихъ совершенно, однакожъ почитаетъ за вздорные и совсѣмъ за безполезныя познанія. „Не „уже ли, говоритъ онъ, долженъ я „ломать голову, занимаяся сими глупо„стями, которыя не принесутъ мнѣ „никакой прибыли? Къ чему полезна „Философія? Ни къ чему болѣе, какъ

„только, что упражняющихся въ оной
„глупцовъ, претворяетъ въ совершен-
„ныхъ дураковъ. Разбогатѣлъ ли хотя
„одинъ ученой отъ своей учености?
„Наслаждается ли онъ лучшимъ здо-
„ровьемъ, нежели прочіе? — Совсѣмъ
„нѣтъ! Ученые и Философы таска-
„ются иногда по миру; они подвер-
„жены многимъ болѣзнямъ, по при-
„чинѣ чрезмѣрнаго ихъ прилѣжанія;
„зарывшись въ книгахъ, провождаютъ
„они цѣлые дни безвыходно въ своихъ
„кабинетахъ; и наконецъ, послѣ тяж-
„кихъ трудовъ, живучи во всю свою
„жизнь въ бѣдности, умираютъ та-
„ковыми же. Куда какое завидное
„состояніе! — По истинѣ, надобно
„сойтить съ ума, чтобъ имъ по-
„слѣдовать. Пусть господа ученые
„насыщаютъ желудки свои зеле-
„ными лаврами и утоляютъ жажду
„струями Иппокрены; что до меня
„касается, я не привыкъ къ ихъ
„ученой пищѣ. Столъ уставленной
„множествомъ блюдъ съ хорошимъ

„кушаньемъ, и нѣсколько бутылокъ „Бургонскаго вина, несравненно для „меня пріятнѣе. Всставъ изъ застола, „спѣшу я какъ наскорѣе заняться „другими веселостями: лечу на балъ, „иногда бѣгу въ театръ, послѣ въ „маскерадъ; и во всѣхъ сихъ мѣстахъ, „пою, танцую, рѣзвлюсь, кричу, и „всѣми силами стараюсь, чтобы ни „о чемъ не помышляя, упражняться „единственно въ забавахъ.„

Вотъ, премудрый *Молокуллицкій*, какимъ образомъ разсуждаютъ о наукахъ большая часть дворянъ. Сколь достойны они сожалѣнія! — Естьлибъ сіи ослѣпленные глупымъ предразсужденіемъ шунеядцы, могли когда почувствовать сіе сладчайшее удовольствіе, сіе тайное восхищеніе, которое люди упражняющіеся въ наукахъ ощущаютъ, то перестали бы взирать на нихъ, какъ на несчастныхъ, лишенныхъ въ жизни сей всякаго утѣшенія. Науки суть свѣтила, просвѣщающія души: человѣкъ обѣя-

тый мракомъ невѣжества, во сто разъ слѣпѣе того, который лишенъ зрѣнія отъ самаго своего рожденія. Гомеръ хотя и не имѣлъ глазъ, однакожъ все видѣлъ: завѣса, скрывающая отъ него вселенную, была предъ нимъ открыта; и разумъ его проницалъ даже во внутренность самаго ада.

Естьли дворяне, праздно живущіе въ деревняхъ и слѣдующіе модамъ нынѣшняго свѣта, будучи предубѣждены въ пользу своего невѣжества, мыслятъ столь низко и столь несвойственно съ званіемъ своимъ о наукахъ, то и служащіе въ военной службѣ, иногда подвержены бываютъ равному заблужденію. Жизнь сихъ людей, въ мирное время, протекаетъ въ различныхъ жалостяхъ и совершенной праздности: биліардъ, карты, пуншъ и волокитство за пригожими женщинами, вотъ лучшее упражненіе большей части офицеровъ. Ученый человѣкъ, въ глазахъ ихъ, ничто иное, какъ дуракъ, поставляющій въ томъ

только свое благополучіе, чтобъ перебирать безпрестанно множество сшитыхъ и склеенныхъ лоскутковъ бумаги. „Какое удовольствіе, гово„рятъ они, сидѣть запершись одному „въ кабинетъ, какъ медведю въ своей „берлогѣ? Зрѣніе, наслаждается ли „такимъ же удовольствіемъ при раз„смотриваніи библіотеки, какъ и „при воззрѣніи на прелести приго„жей женщины? Вкусъ, можетъ ли „равно удовольствованъ быть чте„ніемъ книгъ, какъ Шампанскимъ и „Бургонскимъ виномъ? Осязаніе бу„маги, съ такою ли пріятностію по„ражаетъ наши чувства, какъ при„косновеніе къ нѣжной рукѣ какой „красавицы? Слухъ, равное ли ощу„щаетъ удовольствіе отъ звука уда„ряющихся математическихъ инстру„ментовъ, какъ отъ пріятнаго со„гласія оперная оркестра? Чернила „и песокъ, такое же ли испускаютъ „благовоніе, какъ душистая наша „пудра и помада? — Какую скучную

„жизнь провождаютъ ученые! — Воз-
„можно ли, что бы человѣкъ, для
„пріобрѣтенія совсѣмъ безполезныхъ
„въ общежитіи знаній, жертвовалъ
„для нихъ своимъ покоемъ и весе-
„лостями.„

Такъ разсуждаетъ пустоголовой офицеръ, превозносящійся своимъ невѣжествомъ. Равнымъ образомъ и сластолюбивый богачъ, пользуясь оставшимся послѣ отца награбленнымъ имѣніемъ, и получая пятнадцать тысячь рублей ежегоднаго доходу, нимало не помышляетъ о наукахъ. Роскошь и нѣга въ такое привели его разслабленіе, что потерялъ онъ почти совсѣмъ привычку дѣйствовать не только разумомъ, но и своими членами. Препроводя во снѣ большую часть дня, едва лишь только откростъ онъ глаза, то входятъ къ нему въ спальню три или четыре камердинера, кои вытащивъ его изъ пуховиковъ, составляющихъ нѣкоторый родъ гробницы, гдѣ ежедневно

на двѣнадцать часовъ онъ самъ себя погребаетъ, обуваютъ его, одѣваютъ, и наконецъ сажаютъ въ большіе кресла, на которыхъ дожидается онъ спокойно обѣденнаго времени. За сполломъ просиживаетъ онъ три или четыре часа, и наполняетъ свой желудокъ придданью различными ѣствами, надъ приготовленіемъ которыхъ прудились во все утро пять или шесть поваровъ. Послѣ обѣда садится онъ опять на прежнее мѣсто, гдѣ засыпаетъ или забавляется разсказами нѣсколькихъ блюдолизовъ, привлеченныхъ въ его домъ пріятнымъ запахомъ его кухни. Потомъ, подвозятъ ему великолѣпной экипажъ: два лакея, подхваня подъ руки, сажаютъ его въ карету, съ такою же трудностію, какъ бы нѣсколько сильныхъ извощиковъ накладывали на телегу мраморную статую. Въ семъ положеніи ѣздитъ онъ по городу до самаго ужина: свѣжій воздухъ возобновляетъ въ немъ охоту къ пищѣ, и движеніе

кареты способствуетъ его желудку варить пищу, коею онъ во время обѣда чрезъ мѣру былъ отягощенъ. Возвращясь домой, находитъ онъ у себя великолѣпной столъ; и просидѣвъ за онымъ до полуночи, ложится опять спать. — Вотъ точное описаніе повседневныхъ упражненій роскошнаго сластолюбца. И такъ, естьли во всю свою жизнь, ничего онъ болѣе не дѣлалъ, какъ только спалъ, или подобно разслабленному пребывалъ въ бездѣйствіи; то можно ли будетъ сказать послѣ его смерти, что онъ когда нибудь жилъ на свѣтѣ?

Безконечно бы было, мудрый и ученый *Математикъ*, естьлибъ началъ я изчислять слабости, или яснѣе сказать, дурачества нѣкоторой части земныхъ обитателей; а скажу только, что глупое ихъ противъ наукъ предубѣжденіе заставляетъ меня думать, что на землѣ столь же мало людей, которые бы прямо могли называться людьми, сколь не много

сыщется безпристрастныхъ судей и не корысполюбивыхъ секретарей.

ПИСЬМО IX.

Отъ Гнома Зора къ волшебнику Маликулмулку.

Кто бы повѣрилъ, любезный *Маликулмулкъ*, что должность возложенная на меня *Прозерпиною*, есть самая трудѣйшая изъ всѣхъ должностей? Я мучусь какъ Танталь, и что еще страшнѣе, то опасаюсь, чтобъ и мое мученіе не было бы такъ же безконечно, какъ и его. Уже нѣсколько дней тому, какъ надѣялся я по обѣщанію *Вѣтродула* сдѣлать знакомство съ его тепкою, но не видя и самаго его по сіе время, принялся было закупать наряды. Всякой день въ великомъ множествѣ покупаю ихъ по послѣдней модѣ, завертываю и укладываю; но лишь хочу оные опипра-

вить, какъ вдругъ услышу, что вышли вновь уборы самаго лучшаго вкуса и послѣдней моды; а въ уборы, спрашиваю я, которые вчера столь много превозносили. — О! ничто не можетъ быть ихъ глупѣе, отвѣтствуютъ мнѣ! Благоразумная женщина нынѣшняго свѣта, лучше согласится десять разъ въ день убрать модным образомъ голову своего мужа, нежели оспыдить себя, показавшись въ общество во вчерашнемъ уборѣ! — Послѣ такой прекрасной вѣдомости, я съ досадою кидаю свою посылку и набираю множество новыхъ нарядовъ, которые на другой день такъ же спановятся негодны, а я остаюсь въ отчаяніи исполнить желаніе *Розерлины*.

Въ такихъ-то хлопотахъ, вздумалъ я загладить свою скуку какимъ нибудь веселымъ препровожденіемъ времени, которое бы подало мнѣ лучшій способъ узнать нравы и обычаи сего Государства..... Я хотѣлъ для

сего читать ихъ книги, но во многихъ Писателяхъ нашелъ или пристрастныхъ льстецовъ, сокрывающихъ пороки своихъ одноземцевъ, или глупыхъ Сатириковъ, которые ругаютъ свое отечество, безъ всякой другой причины, какъ только, что бы показать остроту своего пера; а потому я оставилъ сіе упражненіе, и рѣшился не въ кабинетѣ своемъ и не по нраву своего практирщика судить объ общемъ правѣ всего Государства, но захотѣлъ для сего вмѣшаться самъ въ общество, чтобъ имѣть о немъ лучшее понятіе; и для того выбралъ я себѣ въ проводники одного молодаго и знатнаго человѣка, съ которымъ надежень я имѣть входъ во многіе домы. Ты, можетъ быть, подумаешь, что проводникъ мой преважная особа; нѣтъ, другъ мой! это молодой повѣса, препровождающій всю свою жизнь въ шалостяхъ, которыми утѣшаетъ отъ своихъ родителей, плѣняетъ женщинъ, разоряетъ

легковѣрныхъ заимодателей, изнуряетъ себя, отъ чего часто бываетъ боленъ, и тѣмъ хвалится, какъ заслуженый воинъ своими ранами. Ему хотя не болѣе двадцати лѣтъ, однако онъ успѣлъ уже болѣе тридцати смуглыхъ женщинъ сдѣлать столь бѣлыми, какъ хлопчатая бумага; надобно тебѣ знать, любезный *Маликульмулькъ*, что бѣлый цвѣтъ здѣсь въ превеликой модѣ, и что всѣ молодые люди сего города съ великою жадностію его себѣ приобрѣтаютъ; и въ короткое время надѣяться должно, что сей бѣлый цвѣтъ сдѣлается здѣсь природнымъ или наслѣдственнымъ; ибо болѣе, нежели двѣ трети изъ жителей сего города, успѣли уже по сіе время записать себя въ число сихъ бѣлолицыхъ, но оставя это возвратимся къ моему проводнику.

Съ такими-то хорошими качествами во многихъ знатныхъ домахъ его уважаютъ и удивляются его разуму, учености и дарованіямъ; часто

ничего незначущее привѣтствіе, сказанное имъ, почитаютъ за острое слово, и естьли онъ улыбается, то зачинаютъ всѣ хохотать во все горло, ожидая съ терпѣливостію, когда онъ откроетъ причину своей улыбки, естьлижъ кто съ подобострастіемъ спроситъ у него о причинѣ оной, и когда господинъ сей отвѣтствуетъ: *такъ!* тогда начинаютъ удивляться премудрой его молчаливости, а вмѣсто его приходитъ въ замѣшательство и краснѣетъ, сдѣлавшій ему вопросъ. *Прилрыжникъ*, это имя моего знакомца, имѣетъ отмѣнное велерѣчіе; онъ часто разсказываетъ по часа по три, что другой на его мѣстѣ сказалъ бы въ двухъ словахъ; ибо онъ имѣетъ отличное дарованіе убивать свое время, поутру заиляетъ онъ зеркаломъ, потомъ нѣсколько часовъ занимается столомъ, послѣ чего развозитъ вѣсти по городу, а оставшееся его время играетъ въ карты, предается чувственнымъ

забавамъ, ужинаетъ и ложится опять спать, что бы на другой день по обыкновенію своему встать около полудни и препроводить въ такихъ же упражненіяхъ весь день, въ какихъ препроводилъ прошедшей. Вотъ, любезный *Маликулмулкъ*, важнѣйшія его дѣла, отъ которыхъ однакожь не остаешся ему и сколько времени, что бы могъ онъ вспомнить, что онъ живетъ на свѣтѣ.

Я уже напередъ воображаю, что ты или станешь меня бранить за такое худое товарищество, или подумаешь, что въ семъ городѣ нѣтъ ни одной путной головы; напротивъ того, ученый *Маликулмулкъ*, здѣшняя земля въ произведеніи хорошихъ умовъ есть самая обильная, и я могу тебѣ начесть въ семъ одномъ городѣ человѣкъ десятокъ очень не глупыхъ людей. — Но участь оныхъ почти одинакова во всемъ свѣтѣ. — Мнѣ случалось видать въ самыхъ знатнѣйшихъ домахъ портреты ученыхъ

людей, хотя тѣ самые ученые совсѣмъ не имѣли входу и въ ихъ прихожія. Здѣсь въ большомъ свѣтѣ почитается за невѣжество, чтобъ не знать по названію вновь выходящихъ твореній, или чтобъ не знать имянъ современныхъ Писателей; но чтобъ читать тѣ сочиненія, что считается за потерю времени; а чтобъ имѣть знакомство съ Авторами, то почитается подлостію; ибо въ сихъ случаяхъ сравниваются они съ ремесленниками, которые однакожъ несравненно болѣе выигрываютъ въ своей жизни, нежели ученые.

Я уже сказалъ тебѣ, любезный *Маликулмулкъ*, что надобны деньги, чтобъ имѣть хорошее знакомство, а ученые вообще почти всѣ бѣдны; притомъ же тебѣ извѣстно сколь давно они въ побранкѣ съ фортуною, которая смотритъ на ихъ сатиры и брани точно такъ, какъ рослой драгунъ на лаянье маленькой постельной собачки, и для того почти всегда

Фортуна жалуетъ разсудку вопреки,
Чтобъ были счастливѣй разумныхъ, дураки.

Вотъ тебѣ и стихи, любезный *Молинкулянцинъ*, ожидалъ ли ты когда отъ меня оныхъ; извини однакожъ, я теперь въ такомъ городѣ, гдѣ эта язва во всей своей силѣ свирѣпствуетъ; а какимъ образомъ я сдѣлался Стихотворцемъ, о томъ я тебѣ разскажу въ свое время, но между тѣмъ я долженъ возвратиться къ своей повѣсти.

Молодой *Прихрыжинъ*, какъ новоприбѣжему желая показать рѣдкости сего города, возилъ меня въ лучшіе Англинскіе магазины и во Французскія модныя лавки, гдѣ на ряду съ прочими такими же вѣтренниками, каковъ онъ, платилъ за дурачества тяжелыя подати иностранцамъ, покупая двухъ рублевую вещь за десять и за двадцать рублевъ. Онъ доставлялъ мнѣ рѣдкіе товары и одѣвалъ меня по вкусу искусныхъ торговокъ. — Любезный другъ! сказалъ онъ мнѣ, вчера

ты еще ничего лучшаго здѣсь не видалъ, естьли не видалъ нашихъ маскерадовъ: севодни я тебѣ покажу подлинно стоющее любопытства зрѣлище, соотвѣтствующее великолѣпію сего обширнаго города. — Я согласенъ, сказалъ я, и теперь же начну для того одѣваться. — Оставь пожалуй это на мое попеченіе, отвѣчалъ онъ, ты одѣнешься подъ моимъ смотрѣніемъ, какъ первый щеголь; я теперь ѣду къ себѣ и чрезъ минуту пришлю къ тебѣ Француза перваго парикмахера въ семъ городѣ; но какъ ты еще человѣкъ безъ опыtовъ въ большомъ свѣтѣ, то нужно, чтобъ я сдѣлалъ тебѣ одно замѣчаніе: пожалуй обходись съ нимъ, какъ можно поучтивѣе; правда, хотя онъ ремесломъ и парикмахеръ, но онъ Французъ, притомъ же и превеликой богачъ, имѣющій тысячъ до девяти въ годъ доходу, а у насъ не всякой и заслуженой Генералъ столько имѣетъ; прибавь къ тому, что многіе знатные люди по-

читаютъ за удовольствіе быть вписанными въ алфавитную роспись счетной его книги, по которой можно заподлинно видѣть, сколько онъ честенъ; хотя нѣкоторые и говорятъ, что сей парикмахеръ грабитъ, обираетъ и обманываетъ людей, но тѣмъ однакожъ онъ не менѣе славенъ; почему и должно имѣть къ нему нѣкоторое уваженіе особенно за то, что онъ благодѣтельствуетъ молодымъ людямъ, давая имъ въ долгъ разныя галантерейныя вещи, которыя потомъ промѣниваютъ они, съ уступкою трехъ доль, на наличныя деньги; иногда же ссужаетъ онъ и наличною монетою, разумѣется, что подъ порядочной закладъ и съ полученіемъ умѣренныхъ процентовъ, но лучшее и главнѣйшее его достоинство состоитъ въ томъ, что онъ помогаетъ намъ въ нашихъ любовныхъ интригахъ: представь же, естьли столь полезный человѣкъ будетъ раздраженъ гордостію простаго прицѣжаго

дворянина и оставитъ сей городъ, то тѣмъ заставишь ты осиротѣть всѣхъ нашихъ молодыхъ щеголей, и наши головы потеряютъ безъ него три четверти своихъ дарованій. — Я обѣщалъ молодому *Парикмахеру* всевозможное уваженіе къ его Французскому парикмахеру, и изъ почтенія къ оному конечно бы не сѣлъ въ его присутствіи, еспьли бы искуство его того не требовало. Потомъ онъ вышелъ, и полчаса спустя вошелъ ко мнѣ ожидаемый Французъ: приборъ его соотвѣтствовалъ чистотѣ его ремесла, а его лице изображало важность приличествующую глубокомысленному Министру; и сколько наружность доказывала его состояніе, столько поступки опровергали сіи доказательства. Мнѣ казалось, что я видѣлъ въ немъ знатнѣйшаго Придворнаго, переодѣтаго въ парикмахерское платье. Пожалуйте, сударь, уберите мою голову, сказалъ я сему почтенному искуснику, (примѣть

любезный *Малкульяцкій*, хорошо ли я играю лице нововступающаго въ свѣтъ деревенскаго дворянина) потомъ сѣлъ я безъ всякой заботы и отдалъ на его попеченіе свою голову, ожидая ея перерожденія подъ его гребенкою.

Скорѣе всего можно познакомиться съ Французомъ: въ немъ нѣтъ ни гордости свойственной Гишпанцамъ, ни врожденной Нѣмцамъ угрюмости, ниже той подозрительной улыбки, которая въ поступкахъ сопровождаетъ всегда Италіянцевъ; кажется, Природа одарила его столь выгодною наружностію, подъ коею должна храниться истинная добродѣтель и честнѣйшая въ свѣтѣ душа, но напротивъ того..... Однакожъ оставимъ это, я не хочу никого вооружать противъ себя, и естьли мало могу сказать добраго о Французахъ, такъ право это самому мнѣ досадно. Что касается до сего парикмахера, то признаюсь, что онъ показался мнѣ

знающимъ во всѣхъ частяхъ: едва успѣлъ онъ взять въ руки свои гребенку, какъ заговорилъ о Политикѣ. Онъ перебиралъ Правительства разныхъ народовъ, дѣлалъ заключенія, давалъ рѣшенія, и съ такою же легкостію вертѣлъ Государствами, какъ пудреною кистью. Вся Министерія была ему открыта, и когда дѣло доходило до утвержденія какихъ нибудь изъ его рѣшеній, тогда сей незастѣнчивой человѣкъ, ни мало не краснѣясь говорилъ, что съ такимъ и такимъ его мнѣніемъ согласенъ такой-то Министръ, такой-то Сенаторъ и такой-то Генералъ, которымъ онъ чешитъ головы. Онъ увѣрялъ о себѣ безстыднымъ образомъ, что многіе вельможи, производя при немъ ежедневно сокровеннѣйшія дѣла Государства, не рѣдко совѣтуются съ нимъ о важнѣйшихъ пунктахъ Министеріи, и часто дѣлаютъ свои рѣшенія по его мнѣніямъ; но сколько для меня ни странень свѣтъ, однакожъ совсѣмъ

тѣмъ я за грѣхъ почитаю вѣрить, чтобъ здѣшніе Министры управлялись Французскими парикмахерами. Напослѣдокъ кончилась чоска моей головы, съ коею кончились и политическіе разговоры; а все это стоило мнѣ пяти рублевъ, послѣ чего мы откланялись другъ другу съ великою учтивостію.

Вскорѣ потомъ прибылъ ко мнѣ Г. *Притрыжкинъ*, и я подъ его руководствомъ одѣвшись поѣхалъ съ нимъ въ то собраніе, которое онъ превозносилъ столько похвалами: мы остановились у большаго освѣщеннаго дома, гдѣ вышедъ изъ своей кареты вошли въ комнаты, которыя наполнены были, разнаго званія и состоянія, великимъ множествомъ людей, имѣвшихъ на себѣ странныя одежды, составленныя большею частію изъ нѣкотораго рода лоскутковъ; а лица ихъ покрыты были безобразными личинами, въ коихъ многіе казались страшилищами, похожими

на тѣхъ злобныхъ жителей тартара, которые адскимъ судомъ опредѣлены для истязанія человѣческихъ тѣней, заслуживающихъ оное. Я не знаю, для того ли они наряжаются такимъ образомъ, чтобъ показать себя въ настоящемъ своемъ видѣ по расположенію своихъ душъ, сходствующихъ, можетъ быть, съ тою пріемлемою ими безобразностію; или, что они любятъ быть не узнаваемыми, и казаться всегда въ другомъ видѣ, нежели каковы они есть въ самомъ дѣлѣ. Естьли сіе замѣчаніе справедливо, то можно сказать, что весь свѣтъ наполненъ чудовищами, или, что сей свѣтъ есть не что иное, какъ обширное зданіе, въ которомъ собрано великое множество маскерованныхъ людей, изъ коихъ, можетъ быть, большая часть, подъ наружною личиною, въ сердцахъ своихъ носятъ обманъ, злобу и вѣроломство; но оставимъ такія замѣчанія для самаго меня непріятныя, о истинѣ кото-

рыхъ ты самъ по прочтеніи моего письма, можетъ быть, удостовѣришься, и возвратимся къ моей повѣсти. Не успѣли мы войти въ комнаты, какъ *Прилрыжкинъ*, сказавъ мнѣ, гдѣ и какъ со мной сойтиться, скрылся отъ меня, какъ молнія; а я оставшись одинъ, началъ прохаживаться по обширнымъ заламъ, въ коихъ, не смотря на безобразныя личины людей, веселіе и радость повсюду были ощущаемы, и вольность казалася быть душею всего маскерованнаго собранія, такъ, что сіе привело меня въ несказанное удивленіе; мнѣ представилось иногда, что люди не иначе умѣютъ пользоваться собственною своею свободою и удовольствіями, какъ прикрывая себя такими личинами. Едва кончилъ я сіе замѣчаніе, какъ вдругъ услышалъ шумъ въ ближней комнатѣ, бросился узнать тому причину, но уже дѣйствующія лица были уведены, и оттуда возвращалась толпа молодыхъ

людей, которые хохотали во всѐ горло: позвольте спросить, сказалъ я первому встрѣтившемуся мнѣ, что было причиною сего шума. — Ничего сударь, отвѣчалъ онъ, это сущая бездѣлица, — это небольшая шутка, которую я сдѣлалъ съ моею теткою: добренькая старушка была смертельно влюблена въ моего егеря, но по несчастію имѣетъ она ревниваго мужа, который не допускаетъ ее до такихъ малозначущихъ вольностей. Примѣтя любовь ея, я выдумалъ способъ получить посредствомъ оной деньги и уговорить своего егеря, что бы онъ старался имѣть съ нею здѣсь свиданіе. Благосклонная тетушка, согласясь на его предложеніе, свела здѣсь съ мужемъ своимъ свою пріятельницу, одѣтую въ одинаковое съ нею платье, сама между тѣмъ ускользнула съ своимъ Адонисомъ; тогда не медля подослалъ я своего друга, который въ сихъ мѣстахъ надзирателемъ благопристойности, а онъ

схватя нашихъ любовниковъ, отвелъ ихъ подъ арестъ. — Ахъ! вскричалъ я, и вы имѣли удовольствіе такъ безчеловѣчно сшутить съ вашею тетушкою! — Какой вздоръ! отвѣчала мнѣ маска, я хочу только имѣть деньги: тетка моя хотя очень скупа, но вѣрно за выкупъ свой и любезнаго егеря заплатитъ хорошія деньги, которыя я раздѣля съ *Надзоромъ*, смотрителемъ здѣшней благопристойности, получу вѣрной способъ блеснуть хорошими нарядами, или видѣть въ новомъ экипажѣ мою любезную *Антилукрецію*. Послѣ сего онъ скрылся, и оставилъ меня удивляться проницательству своего ума и слабости его тетушки.

Позадумавшись нѣсколько пошелъ я впередъ, какъ вдругъ ударился лобъ объ лобъ съ отчаяннымъ человѣкомъ, который, сорвавъ съ себя маску, бѣгалъ по комнатамъ, какъ бѣшеной. Государь мой! сказалъ я, мнѣ думается, что въ такихъ проспран-

ныхъ залахъ можно ходить не стучась лбами; въ противномъ случаѣ это собраніе можетъ только быть выгодно однимъ рогатымъ лбамъ. — Ахъ! сударь, отвѣчалъ мнѣ сей господинъ, извините мой проступокъ; отчаяніе мое причиною сей неосторожности: я обманутъ самымъ гнуснымъ образомъ. — Какъ, сказалъ я, въ здѣшнемъ благородномъ обществѣ могутъ быть обманщики.... Ахъ! я вижу, вскричалъ онъ, что и вы человѣкъ новоприѣзжей. Признаюсь, что я самъ былъ лучшаго мнѣнія о сихъ собраніяхъ, пока несчастнымъ опытомъ не узналъ своей ошибки. Отецъ мой былъ богатой дворянинъ, онъ не давно умеръ, а я со всѣми его деньгами пріѣхалъ сюда изъ отдаленнаго города, чтобъ вступить въ службу. Игра пагубная страсть молодыхъ людей, не умедлила овладѣть мною; я вошелъ въ число бродягъ, которыя гоняясь за счастіемъ лишаются пропитанія. Нѣсколько разъ испытавъ

несчастіе проигрыша, наконецъ собравъ послѣднія свои деньги, и пріѣхавши въ сей проклятой домъ, сдѣлалъ банкъ въ *Макао;* незнакомая маска сѣла подлѣ меня и просила принять ее въ десятую долю; видя деньги 1000 рублевъ, я согласился сдѣлать это удовольствіе и началъ метать карты; множество незнакомыхъ людей зачали понтировать, но я примѣтилъ, что многія брали у меня деньги не ставя картъ; а другіе сдергивали свои карты, когда они проигрывали, и скрывались въ толпѣ людей. Раздраженный такимъ грустнымъ обманомъ, бросилъ я карты и хотѣлъ разсчитаться съ моимъ товарищемъ, который записывалъ мой проигрышъ и выигрышъ, какъ вдругъ увидѣлъ, что ни денегъ ни его со мною нѣтъ. Вообразите мое удивленіе и горесть, быть не только что обокраденъ, но и лишенъ надежды узнать и наказать этова бездѣльника. — Я сердечно сожалѣю о вашемъ

несчастіи, отвѣчалъ я, и дивлюсь, что въ подобныя общества пускаются такіе плуты; я до сихъ поръ думалъ, что ворами опасны только большія дороги. — Ахъ! государь мой, вскричалъ сей несчастный игрокъ, благодаря Правительству, сіи бездѣльники всѣ согнаны съ большихъ дорогъ, но по несчастію они умножились въ городахъ, и города нынѣ гораздо опаснѣе, нежели большія дороги. — Послѣ чего пошелъ онъ отъ меня, продолжая свои восклицанія.

Вотъ сколь прекрасныя сіи собранія, думалъ я самъ въ себѣ, которыя столь торжественно выхвалялъ мнѣ *Прилрыжкинъ*, и кои способствуютъ только обманывать мужей, грабить ближняго и дѣлать дурачества. Скажи мнѣ на сіе, любезный *Маликульмулькъ*, не справедливы ли давишнія мои замѣчанія, по коимъ можно видѣть, что люди для того единственно выдумали сіи собранія, чтобъ ходя подъ гнусными личинами,

удобнѣе могли производить безъ зазрѣнія совѣсти безумное свое своеволіе; и что сіи маскерады есть картина свѣта представленная въ маломъ видѣ; но естьли ты захочешь сравнить оную съ ея подлинникомъ, то оная не иначе почесться можетъ, какъ слабымъ спискомъ..... Но закроемъ сіе завѣсою. — Я скажу тебѣ однакожь, что сколь веселіе, радость и свобода ни кажутся душею таковыхъ собраній, но я твердое положилъ намѣреніе никогда впередъ не заглядывать въ такія мѣста. Вскорѣ потомъ встрѣтился мнѣ *Прилръжкинъ*, и мы съ нимъ выѣхали изъ маскерада. — Сіи-то собранія, сказалъ я ему тогда, такъ тебѣ правятся!... Ахъ, мѣтъ! вскричалъ онъ, я севодни очень худо награжденъ. — Какъ, и ты недоволенъ? перехватилъ я рѣчь его; но чтожъ этому причиною? — Представь мое несчастіе, сказалъ онъ, посредствомъ давишняго парикмахера назначено мнѣ было онъ

одной прекрасной дѣвушки здѣсь свиданіе, чему я охотно повѣрилъ, зная, что ничего нѣтъ легче въ здѣшнихъ маскерадахъ, какъ дочкѣ отвязаться отъ матушки, которая часто сама только того и мѣшаетъ, чтобъ увернуться отъ дочки; пріѣхавши сюда, увидѣлъ я мою красавицу, ходящую уже одное въ бѣломъ капуцинѣ; я съ нѣжностію схватилъ и пожалъ ея руку, она мнѣ отвѣчала тѣмъ же, это былъ нашъ условной знакъ; при такомъ взаимномъ согласіи, намъ скучными показались всѣ залы, и мы пили въ уединеніе; наконецъ вошли въ отдаленную комнату, но опасаясь, чтобъ кто не подслушалъ нашихъ рѣчей, я дѣлалъ ей любовныя изъясненія *пантомимами*, и мы до тѣхъ поръ оныя продолжали, какъ наконецъ вынуждена она была сбросить маску. — Но въ какое пришелъ я удивленіе, когда, вмѣсто воображаемой красавицы, увидѣлъ старую мумію лѣтъ во сто; съ досадою и страхомъ

бросился я отъ нее, какъ отъ мертвеца, и тысячу разъ проклиная ея жалѣлъ, что потерялъ съ старою хрычовкою то время, которое назначено было для прелестной молодой особы. — Вотъ чемъ только не нравятся мнѣ сіи проклятые маскерады! — Но не уже ли женщинамъ они пріятны, сказалъ я! — О! это совсѣмъ другое, отвѣтствовалъ *Припрыжкинъ;* женщина можетъ весьма великодушно снести нѣсколько такихъ ошибокъ; но молодой щеголь не всегда съ успѣхомъ можетъ загладить такую погрѣшность. — Вотъ тебѣ, любезный *Маликульмулькъ*, краткое начертаніе предметовъ, попавшихся мнѣ на глаза; — и я надѣюсь вскорѣ еще увѣдомить тебя о новыхъ людскихъ дурачествахъ.

ПИСЬМО X.

Отъ Силфа Свѣтосида.

До сихъ поръ я всегда удивлялся мнѣніямъ тѣхъ Философовъ, которые душу человѣческую уподобляли жизненнымъ силамъ скотовъ; но я не знаю, любезный *Малтикулимулкъ*, случалось ли тебѣ видать смѣшные поступки тѣхъ господчиковъ, которыхъ въ свѣтѣ называютъ *людьми любви достойными*, *веселыми и знающими свѣтское обращеніе*; взирая на нихъ, ты самъ могъ бы имѣть справедливую причину почесть ихъ въ равной степени съ обезьянами; и я удивляюсь, что тѣ Философы, для лучшаго убѣжденія въ своихъ мнѣніяхъ, не объяснили, что они говорили то, сравнивая Петиметра съ обезьяною; ибо надлежитъ признаться, что взирая на Петиметра и на обезьяну, можно подумать, что или душа обезьяны духовна, или душа Петиметра

вещественна, потому что, по примѣчанію моему, обѣ сіи души имѣютъ одинакія между собою свойства, одинакія движенія и одинакія страсти; а посему, должны имѣть и одинакую сущность, и быть равно, или вещественны, или духовны. И такъ, ежели полагать, что душа Пепиметра есть духовна, то надобно думать, что и душа обезьяны есть такова же.

Послѣ сего перваго предложенія, остается теперь доказать сходственность мыслей, чувствъ и склонностей между обезьяною и Пепиметромъ: и нѣтъ ничего легче, какъ сдѣлать сіе доказательство. Я поставляю себя на одну минуту на мѣсто Философа, утверждающаго сіе мнѣніе: „Не „правда ли, вопрошаю я, что не „должно и не можно иначе судить „о естествѣ души, какъ по видимымъ „въ ней дѣйствіямъ и движеніямъ; „ибо существенность ея не можетъ „быть видима никакими глазами. „И такъ, посмотримъ, какія суть

„дѣйствія и движенія души Петр-
„метра? — Она управляя тѣломъ, въ
„которомъ имѣетъ свое пребываніе,
„иногда заставляетъ его свиспать,
„иногда понуждаетъ его танцовать,
„прыгать, скакать, вертѣться; и
„все сіе заставляетъ дѣлать безъ
„всякой побудительной причины, и
„столь поспѣшно, что всякой мо-
„жетъ примѣтить, что разумъ и
„разсудокъ, нимало не вмѣшивается
„въ сіи прыжки и обороты. Подобно
„сему, я вижу и обезьянъ скачущихъ,
„прыгающихъ и вертящихся; и когда
„разсматриваю внимательно всѣ сіи
„ихъ движенія, то нахожу точное
„подобіе разныхъ кривляній и прыж-
„ковъ, молодаго вертопраха, находя-
„щагося среди женщинъ.„

Но поступимъ далѣе съ симъ точнымъ и справедливымъ сравненіемъ. — Когда обезьяна смотрится въ зеркало, тогда прельщаясь собою, удвоиваетъ она смѣшныя свои коверканья, оказываетъ всю свою легкость,

въ вертѣніи и прыганіи, ворчитъ сквозь зубы, нѣчто совсѣмъ невразумительное, чего бы и подобная ей другая обезьяна никакъ не могла понять. Петиметръ точно такъ же взирая на себя въ большое стѣнное зеркало, представляетъ тѣжь самыя движенія и обороты; онъ всего вокругъ себя осматриваетъ, множество разъ на всѣ стороны повертывается, поднимаетъ и опускаетъ голову, коверкается, кривляется, ломается; говоритъ не имѣющія смысла, нѣкоторыя невразумительныя слова, которыя никому другому не могутъ быть понятны, какъ развѣ такому же Петиметру; ибо онъ говоритъ *о прическѣ своихъ волосъ, о хитрости своего вертежа, о разныхъ своихъ буклей, о лентошномъ бантикѣ* и о прочемъ подобномъ сему вздорѣ. И такъ, въ комъ можно найти столь совершеннѣйшее сходство? —

Обезьяна обыкновенно бываетъ непоспѣшна, измѣнчива и злобна;

она кусаетъ и раздираетъ платья на тѣхъ людяхъ, кои засмотрѣвшись на ея скачки и кривлянья, по неосторожности подходятъ къ ней очень близко. Пепимепръ дѣлаетъ точно то же; забавныя и увеселительныя зрѣлища, которыя онъ смѣшными своими кривляньями представляетъ другимъ людямъ, покупаются отъ оныхъ весьма дорогою цѣною; ибо вышедъ изъ дома, въ которомъ оказывалъ онъ все свое искуство въ модныхъ прыжкахъ и оборотахъ, повреждаетъ онъ честь тѣхъ людей, коихъ онъ видѣлъ, и злословитъ хозяина и хозяйку того дома, словомъ: ничто не можетъ укрыться отъ его ядовитаго языка, который, естьли не больше, то по крайней мѣрѣ, столько же можетъ быть опасенъ, сколько и зубы самой злѣйшей обезьяны.

Послѣ столь яснаго сравненія, въ чувствахъ, въ поступкахъ и въ склонностяхъ, не можно ли по справедли-

вости заключить, что души обезьяны и Пепимепра суть одинакой существа? — Признайся, мудрый и ученый *Маликулмулкъ*, что я почти убѣжденъ симъ мнѣніемъ. Я знаю, что въ ономъ встрѣчается превеликое затрудненіе; ибо слѣдуя оному, надлежитъ признать душу Пепимепра вещественною, потому, что душу обезьяны никакъ не можно почесть духовною. И такъ, взирая на таковые странные и смѣшные поступки Пепимепровъ, не иначе можно ихъ почитать, какъ совершенными вѣтреными мельницами, или часами заведенными глупостію и вертопрашествомъ. Наконецъ, нѣтъ ничего легче, какъ доказать самыми истинными опытами, что душа разумнаго и постояннаго человѣка, совсѣмъ другаго свойства, нежели какъ душа Пепимепра; ибо извѣстно тебѣ, мудрый *Маликулмулкъ*, что не можно полагать нималаго сходства между душею такого Философа, каковъ

быль Ейлерь, и между душею обезьяны, заключенной въ тѣлѣ моднаго вертопраха.

ПИСЬМО XI.

Отъ Гнома Зора къ волшебнику Маликулмулку.

На сихъ дняхъ, любезный *Маликулмулкъ*, я былъ съ моимъ соповарищемъ у одного богатаго купца, который праздновалъ свои имянины; ты можешь быть удивишься, что столь знатный, въ своемъ родѣ, человѣкъ, каковъ мой пріятель, удостоилъ своимъ посѣщеніемъ торговца, но это удивленіе уменьшится, когда ты узнаешь, что онъ долженъ имянинику по векселямъ шестьдесятъ тысячь рублевъ, и для того часто платитъ по его дудкѣ. Здѣшніе заимодавцы, имѣющіе знатныхъ должниковъ, имѣютъ по большей части то

одно утѣшеніе, что пользуются вольностію напиваться иногда съ ними до пьяна, и вмѣсто плашежа денегъ получаютъ отъ нихъ учтивые поклоны и увѣренія о непремѣнномъ ихъ покровительствѣ.

Имянинникъ, какъ видно былъ великой хлѣбосолъ; онъ имѣлъ у себя за столомъ не мало гостей, между коими занимали первое мѣсто одинъ Вельможа, человѣка три позолоченыхъ придворныхъ, и нѣсколько начальниковъ сего города, да изъ числа извѣстныхъ мнѣ по своимъ именамъ, о которыхъ я нарочно навѣдался, чтобъ могъ тебѣ обстоятельнѣе пересказать о любопытномъ ихъ разговорѣ, были Г. *Прилрыжкинъ*, *Рубакинъ* драгунской Капитанъ, *Тихокрадовъ* судья и художникъ *Трудолюбовъ*; я, какъ ты можешь себѣ представить, былъ такъ же не изъ послѣднихъ, и сидѣлъ подлѣ хозяйскаго сына, мальчика прелюбезнаго лѣтъ четырнадцати, который былъ доброю на-

дождю и утѣшеніемъ въ старости своего отца.

Столъ былъ великолѣпенъ, и *Плутархъ*, такъ назывался имянинникъ, кормилъ всѣхъ очень обильно; веселіе въ обществѣ нашемъ умножалось съ приумноженіемъ вина: разговоры были о разныхъ предмѣтахъ, и по перемѣнно говорили о Политикѣ, о коммерціи, о разныхъ родахъ плутовства и о прочемъ.. — Вельможа, одѣтый съ ногъ до головы во Французской газетъ, и убранный по послѣдней Парижской модѣ, защищалъ пользы отечества...и выхвалялъ любовь къ оному; судья ставилъ честь выше всего на свѣтѣ, купецъ хвалилъ некорыстолюбіе, но всѣ вообще согласны были въ томъ, что законы очень строго наказываютъ плутовъ, и что надобно уменьшить ихъ жестокость. Вельможа обѣщалъ подать голосъ, что бы уничтожить увѣчныя и смертныя наказанія, исполняемыя за грабительства и за плутовства

для ихъ искорененія, за что многіе изъ гостей, а болѣе всего судья *Тихохрадовъ* и нашъ хозяинъ *Плутарѣзъ*, очень его благодарили, и хотя сей вельможа, какъ я слышалъ, ежедневно дѣлаетъ новыя обѣщанія, однакожъ старыхъ никогда не исполняетъ; но гости не менѣе были и тѣмъ довольны, что осталась въ надеждѣ, для которой не рѣдко просители посѣщаютъ прихожія знатныхъ особъ.

Но какъ въ столь большомъ собраніи разговоры не могли быть одного содержанія, то наконецъ рѣчь зашла о хозяйскомъ сынѣ. У тебя прелюбезное дитя, сказалъ *Рубахинъ Плутарѣзу*, и онъ можетъ со временемъ быть тебѣ утѣшеніемъ; — но записанъ ли онъ гдѣ и который ему годъ? — пятнадцатой, Ваше Высокоблагородіе, отвѣчалъ хозяинъ. — Не правда, сказалъ *Рубахинъ*, ему точно четырнадцатой, и я очень помню, что онъ родился тогда, когда ты былъ еще у насъ маркитантомъ,

въ чемъ и сама покойница твоя жена была бы со мной согласна. — Сомнѣваюсь, отвѣчалъ хозяинъ, моя жена, не тѣмъ будь помянута, была превеликая спорщица. — Развѣ съ тобою, сказалъ *Рубкинъ*, но что касается до меня, то я увѣряю тебя, что ни одинъ нашъ офицеръ не скажетъ, чтобъ она съ кѣмъ нибудь изъ нихъ споривала; и мы во всемъ столько были ею довольны, что когда ты отъ насъ поѣхалъ, то вообще всѣ болѣе жалѣли объ ней, нежели о тебѣ; и такъ спорщицей назвать ее ты не можешь. Я думаю, что ты и самъ помнишь, какъ любили ее въ полку, и что она не одною ротою ворочала. Правду сказать, естьлибъ ты не сдѣлалъ дурачества и не уѣхалъ тогда отъ насъ, то бы я голову свою далъ тебѣ порукою, что твой Вася, (имя хозяйскаго сына) о сю пору былъ бы уже Адьютантомъ. Вить ты помнишь, какъ Полковникъ нашъ жаловалъ покойницу твою Борисовну, и какъ

ты по милости ея былъ имъ покровительствованъ, такъ, что ты, безъ всякаго опасенія, мѣсяца по два сряду, довольствовалъ весь полкъ протухлою и негодною пищею, а все съ рукъ сходило; и можно сказать, что это не житье тебѣ было, а масленица: ты самъ думаю признаешься, что тогда ты густо понабилъ свой карманъ. — То правда, Ваше Высокоблагородіе, однакожь вы уже весьма много возвеличили мою покойницу, приписывая ей такую власть; иной изъ этова и невѣсть что подумаетъ, вить злыхъ людей въ свѣтѣ много; мало ли что и въ полку тогда объ ней говорили, а отъ того и полковница и наши офицерши ее терпѣть не могли, но все по истинѣ по напрасну; виновата ли она была, что всегда, когда ни случалось ей хаживать къ нимъ на поклонъ, заставала дома однихъ только ихъ мужей, а онѣ случались или у обѣдни, или гдѣ и въ другомъ мѣстѣ, но какъ бывало къ кому ни взойдетъ, то хотя

жены и дома нѣтъ, такъ мужъ безъ того уже не выпуститъ, чтобъ чемъ нибудь не поподчиваться, потому что она покойница и сама была гостепріимна.... Мудрено ли братецъ, сказалъ толстой судья, что твоя жена была въ такой силѣ; я самъ человѣкъ женашой, и могу не менѣе похвалиться своею женою, которая не смотря на то, что я былъ еще писпомъ, но и тогда имѣла уже множество челобитчиковъ и давала часто рѣшенія на важныя дѣла, которыя едва ввѣряли мнѣ на бѣло переписывать; а вся сила состояла въ томъ, что она хорошо стряпала кушанья для нашего судьи, и по наслышкѣ знала нѣсколько законовъ, почему казалась весьма знающею; и въ ней столько нашъ судья былъ увѣренъ, что по ея словамъ, какъ по Уложенью, вершилъ челобитчиковы дѣла; въ чемъ право не всякой и знатной женщины послушаютъ.

*

Morbleu! сказала сидѣвшая подлѣ меня кукла, въ золотомъ кафтанѣ, и эта мѣлочь хочетъ ровнять своихъ женъ съ знатными госпожами. — J' enrage! — Клянусь, что естьлибъ захотѣлъ я въ отмщеніе употребить силу моей тетушки, то бы завтре же улетѣли къ чорту этотъ маркитантъ, судья съ своею женою и со всею своею челядью. — Можноль только имѣть терпѣніе слушать такія *пилертинасы!* И какъ смѣть сравнивать силу подлыхъ своихъ женъ, съ силами почтенныхъ дамъ, которыхъ могущество доказаться можетъ тысячею счастливцевъ, которые по ихъ милости дѣлаютъ фигуру въ большомъ свѣтѣ, и которые прежде того ничего въ окомъ не значили. — Я, сударь! я самъ, сказалъ онъ оборотясь ко мнѣ, есть неоспоримое доказательство силы своей тетушки; представьте, нѣтъ еще года, какъ я сюда пріѣхалъ изъ деревни; бывъ благороднымъ и молодымъ человѣкомъ,

вы можете угадать, что я за нужное почелъ, чтобъ пользоваться порядочнымъ экипажемъ, доспать себѣ чинъ не вступая въ службу, которая сопряжена со многими трудностями предоставленными для бѣдныхъ токмо дворянъ; но какъ вамъ покажется? Не прошло еще и десяти мѣсяцовъ по моемъ пріѣздѣ, а я началъ уже повелѣвать четверкою лошадей, не имѣя никакого понятія о службѣ, кромѣ того, что она не можетъ быть для меня пріятна, потому что моему дядѣ служившему Капитаномъ, на прошедшемъ сраженіи прострѣлена голова, и онъ лишился жизни, съ которою я нималаго не имѣю желанія такъ скоро разстаться. — Но скажи мнѣ, спрашивалъ одинъ изъ придворныхъ хозяина, для чего оставляешь ты сына твоего въ праздности? Онъ уже въ такихъ лѣтахъ, что можетъ вступить въ службу, или по крайней мѣрѣ считаться въ оной. — Милостивый государь! отвѣ-

чалъ *Плутархъ*, это правда, что Вася уже на возрастѣ, и я ненамѣренъ всеконечно оставлять его безъ дѣла, но я еще не избралъ родъ службы, въ которую бы его опредѣлить. — Другъ мой, сказалъ придворный, оставь это на мое попеченіе, ты можешь быть увѣренъ о моей къ тебѣ благосклонности, имѣвъ явное доказательство, что изъ дружбы къ тебѣ я не совѣщусь занимать у тебя деньги, и быть должнымъ оными, а потому не можешь сомнѣваться о моемъ участіи, какое пріемлю я въ счастіи твоего сына. Дѣло состоитъ только въ томъ, чтобъ ты далъ двадцать тысячъ въ мои руки, которыя употреблю я въ его пользу; помѣщу имя его въ списокъ отборнаго военнаго корпуса; сдѣлаю его дворяниномъ, и потомъ, пристрою его ко Двору, словомъ: я поставлю его на такой ногѣ, чтобъ онъ со временемъ могъ поравняться съ лучшими, дѣлающими фигуру въ боль-

шомъ свѣтѣ. Сколь же такое состояніе блистательно, ты самъ это знаешь, и надобно только имѣть глаза, чтобъ видѣть насъ во всемъ нашемъ великолѣпіи, на усовершеніе котораго портные, бриліантщики, галантерейщики и многіе другіе художники истощаютъ все знаніе и искуство, что бы имъ показать цѣну нашихъ достоинствъ и дарованій.... Богатыя одежды, сшитыя по послѣднему вкусу, прическа волосъ, пристойная сановитость, важность и уклончивость, соразмѣрныя времени, мѣсту и случаю; возвышеніе и пониженіе голоса, въ произношеніи говоримыхъ словъ; выступка, ужимки, тѣлодвиженія и обороты отличаютъ насъ въ нашихъ заслугахъ, и составляютъ нашу службу. — Грамоты предковъ нашихъ явно всѣмъ доказываютъ, что кровь протекающая въ нашихъ жилахъ изъ давна преисполнена была усердіемъ къ пользѣ своего отечества; а наши ливреи и экипажи,

неложно доказываютъ о важности нашихъ чиновъ въ Государствѣ. Какое же состояніе можетъ быть завиднѣе и спокойнѣе нашего? — Правда, что Философы почитаютъ насъ мучениками, однакожь то несправедливо; а за то и мы считаемъ ихъ безумцами, пустою тѣнью, услаждающими горестную и бѣдную свою жизнь. И такъ, другъ любезный, что тебѣ стоитъ двадцать тысячъ, не сущая ли это бездѣлка въ сравненіи съ тѣмъ счастіемъ твоего сына, которое я сильнѣйшимъ своимъ предстательствомъ обѣщаю ему доставить; а знакомые мои, танцмейстеръ, актеръ, портной и парикмахеръ, чрезъ короткое время пособятъ мнѣ сдѣлать изъ твоего сына блистательную особу въ большомъ свѣтѣ.

Какъ сударь, вскричалъ *Рубакинъ*, вы называете блистательнымъ то состояніе, въ большомъ свѣтѣ, въ которомъ люди за свои достоинства обязаны нѣкоторымъ искусникамъ;

но изъ вашего мнѣнія можно дѣйствительно доказать, что тѣ самые искусники несравненно должны быть знатнѣе тѣхъ своихъ куколъ, которыхъ они украшая, даютъ цѣну ихъ достоинствамъ и... но что объ этомъ много говорить! — Нѣтъ, любезный *Плутархъ*, естьли ты хочешь, чтобъ сынъ твой былъ полезнѣе своему отечеству, то я совѣтую тебѣ записать его въ военную службу. Вообрази себѣ, какое это прекрасное состояніе, которое, можно по справедливости сказать, есть первѣйшее въ свѣтѣ, потому что неподвержено никакимъ строгостямъ, ниже какимъ опасностямъ, сопряженнымъ съ придворною жизнію. — Военному человѣку нѣтъ ничего непозволеннаго; онъ пьетъ для того, чтобъ быть храбрымъ; перемѣняетъ любовницъ, что бы не быть ни чьимъ плѣнникомъ; играетъ для того, что бы привыкнуть къ непостоянству счастія, столь сродному на войнѣ; обма-

нываетъ, что бы приучить свой духъ къ военнымъ хипростямъ; а притомъ и участь его ему совершенно извѣстна; ибо состоитъ только въ двухъ словахъ: чтобъ убивать своего непріятеля, или быть самому отъ онаго убиту; гдѣ онъ бьетъ, то тамъ нѣтъ для него ничего священнаго, потому что онъ долженъ заставлять себя бояться; естьли же его бьютъ, то ему стоитъ оборотить спину и имѣть хорошую лошадь; словомъ: военному человѣку нуженъ больше лобъ, нежели мозгъ; а иногда больше нужны ноги, нежели руки; и я состарѣлся уже въ службѣ, но всегда былъ того мнѣнія, что солдату негодится умничать. И такъ, ты ничего умнѣе не сдѣлаешь, какъ естьли запишешь своего сына въ нашъ полкъ, ты же человѣкъ богатой, почему можешь сдѣлать ему хорошее счастіе; деньги только нужны, а прочее я беру на себя, и увѣряю тебя, что твой сынъ самъ будетъ тѣмъ доволенъ.—

Государь мой, сказалъ улыбаясь *Тихокрадовъ*, вы съ такимъ жаромъ говорите о своемъ званіи, что слушатели могутъ подумать, будто сіятское состояніе и въ подметки вашему негодится, хотя не распложая пустыхъ словъ, я могу коротко сказать, что служа въ семъ состояніи, обязанъ я оному знатнымъ доходомъ, состоящимъ изъ десяти тысячъ; вступая же въ оное, не имѣлъ я ни полушки; и такъ сіе одно довольно могло бы доказать, что перо гораздо полезнѣе, нежели шпага; но я не люблю жаркихъ, а держусь лучше основательныхъ доказательствъ. Я не отрицаю выгодъ военнаго человѣка, но знаете ли, что статское состояніе есть соборище лучшихъ выгодъ изъ всѣхъ другихъ состояній? — Какъ! вскричалъ *Рубакинъ*, вы подьячихъ сравниваете съ воинами? — Но можете ли вы въ томъ успѣть? — Одно это, когда мы возьмемъ какую крѣпость, сколько приноситъ намъ славы,

и сколько потомъ чувствуемъ удовольствія, обогащая себя всѣмъ, что только на глаза наши тогда ни попадется. Кто другой можетъ имѣть такую волю, чтобъ безъ малѣйшаго нарушенія права присвоивать себѣ вещи, никогда ему не принадлежавшія? — Постойте, постойте, перервалъ съ скоростію *Тихокрадовъ*, дайте мнѣ докончать; вы тогда сами увидите, правду ли я сказалъ. Статской человѣкъ столько же казаться можетъ блистательнымъ, сколько и придворный; онъ такъ же можетъ пріобрѣтать себѣ дарованія пособіями тѣхъ самыхъ искусниковъ, которые своимъ искуствомъ составляютъ достоинства большей части придворныхъ, чему многіе изъ нашихъ судей могутъ быть явнымъ доказательствомъ; а иные столько же въ томъ себя отличили, что лучше знаютъ, какъ одѣться по послѣдней модѣ и сообразно годовому времени, нежели отправлять по надлежащему

свою должность и вершить судебныя дѣла. — Статской человѣкъ столько же можетъ имѣть иногда славы, сколько и военной, когда онъ сообразивъ всѣ послѣдствія и проникнувъ въ существо дѣла, разрушитъ всѣ хитросплетенія гнусныхъ лжей, покрывавшихъ мракомъ цѣлый вѣкъ или и болѣе истину, которой опредѣленіемъ своимъ доставитъ принадлежащую ей справедливость. — Чтожъ принадлежитъ до обогащенія его, то онъ имѣетъ еще то преимущество, что не отлучаясь за нѣсколько сотъ или тысячъ верстъ, и не подвергая себя столь видимой опасности, какой подвергается воинъ, можетъ ежедневно обогащать себя, и присвоивать вещи съ собственнаго согласія ихъ хозяевъ, которые за немалое еще удовольствіе себѣ поставляютъ служить оными, и почитаютъ за отмѣнную къ нимъ благосклонность, естьли отъ нихъ оныя принимаешь. — Сверхъ того, статской человѣкъ

можетъ производить торгъ своими рѣшеніями точно такъ же, какъ и купецъ, съ тою токмо разницею, что одинъ продаетъ свои товары по извѣстнымъ цѣнамъ на аршины или на фунты, а другой измѣряетъ продажное правосудіе собственнымъ своимъ размѣромъ, и продаетъ его, сообразуясь со стеченіемъ обстоятельствъ и случая, смотря притомъ на количество приращенія своего богатства. — Естьли вы пропивъ сего скажете, что все это непозволено законами, то по крайней мѣрѣ должны въ томъ признаться, что въ свѣтѣ введенныя обыкновенія столь же сильны, какъ и самые законы; сказанныя же мною выгоды статскаго человѣка издавна между людьми вошли въ обычай, и нынѣ онѣ столько же употребительны и извинительны, сколько простительно придворному не платить своихъ долговъ, а купцу имѣть окороченный аршинъ и невѣрные вѣсы, или сколько сему послѣднему позво-

лительно, обогативъ себя чужими деньгами, и надававъ въ пріятельскія руки пустыхъ на себя векселей, избавишься тѣмъ отъ платежа истинныхъ своихъ доходовъ. — И такъ, видишь ли, другъ мой, продолжалъ онъ, оборотясь къ хозяину, что я не солгалъ; и ты весьма несправедливо сдѣлаешь, естьли предпочтешь какое нибудь состояніе статскому, въ которомъ онъ можетъ быть столько же знатенъ и блистателенъ, сколько и придворный; столько же обогащаетъ себя всѣмъ, что ни увидитъ, сколько и воинъ, и съ такою же способностію торговать, какъ и купецъ. — Не отлагай же долѣе, отдай его въ мой приказъ, и будь увѣренъ, что я выведу его въ люди. Не думай, чтобъ я это обѣщалъ изъ одной только учтивости, нѣтъ, мнѣ ничего не стоитъ доставить ему чинъ, чему явнымъ доказательствомъ мой дворецкой, котораго за усердную его ко мнѣ службу, сдѣлалъ я Секретаремъ.

И такъ, когда я дворецкому доставилъ такое счастіе, то будь увѣренъ, что тебѣ, какъ моему другу, могу болѣе услужить; нужно только потерять тебѣ нѣсколько тысячъ при его производствѣ, такъ и дѣло съ концемъ; но повѣрь мнѣ, что сынъ твой со временемъ, когда будетъ на судейскомъ стулѣ, издержки сіи возвратитъ тебѣ въ сотеро.

Что до меня касается, сказалъ *Трудолюбовъ*, то я вмѣсто того, что бы защищать выгоды своего званія въ моемъ отечествѣ, при первомъ же случаѣ постараюсь изъ онаго удалиться и возвратиться въ Англію, гдѣ знаютъ лучше цѣну моего художества, и гдѣ за оное получалъ я во сто разъ больше, нежели здѣсь, хотя я никакой не примѣчаю разности въ моемъ искуствѣ; а сіе меня столько опечалило, что не размышляя нимало предался я пьянству; знаю, что разумному человѣку сіе непростительно, но что уже дѣлать, когда

о томъ я скоро думавъ, сдѣлался теперь совершеннымъ пьяницею: извѣстно, что скорость не одному мнѣ, но многимъ причинила пагубу. И такъ, любезный *Плутархъ*, естьли ты хочешь сына своего сдѣлать счастливымъ какимъ нибудь художествомъ, то или пошли его для работы въ чужіе краи, или не вели ему ни за что приниматься, потому что здѣшніе жители своихъ художниковъ и ихъ работу ни за что почитаютъ, а уважаютъ одно привозимое изъ за моря. Я могу сказать, что мое искуство всегда почиталося изъ первыхъ, и въ Англіи отъ онаго многіе обогащаются; я самъ со временемъ, можетъ быть, былъ бы изъ первыхъ тамъ богачей, естьлибъ не принужденъ былъ сюда выѣхать. — Нѣтъ! милостивые государи, сказалъ хозяинъ, я свое состояніе всѣмъ прочимъ предпочитаю, и оставлю навсегда въ немъ своего сына. Правда, хотя я и не дворянинъ, но деньги все мнѣ

замѣняютъ. — Я увидѣлъ, любезный *Маликульмуликъ*, что онъ говоритъ правду; ибо процвѣтая въ избыткѣ, живетъ онъ, какъ маленькой царёкъ. Придворные, ученые и художники, ежедневно ищутъ въ немъ благопріятства; первые просятъ у него въ прозѣ въ долгъ денегъ, вторые ищутъ награжденія за подносимые стихи, а третьи ожидаютъ, чтобъ онъ употребилъ ихъ къ своимъ услугамъ; и такъ, придворнымъ даетъ онъ по тщеславію, ученымъ по великодушію, хотя въ прочемъ никогда не читаетъ ихъ стиховъ, а третьимъ, льстя пустою надеждою, отказываетъ, сохраняя тѣмъ домашнюю свою экономію.

ПИСЬМО XII.

Отъ Гнома Бурстона къ волшебнику Маликулъмулъку.

И надежды нѣтъ, любезный *Маликулъмулъкъ*, что бы я могъ скоро возвратишься въ адъ. Сколько здѣсь ни обширны фабрики правосудія, но почти на всѣхъ обработывается оное довольно дурно. Одно только нѣсколько меня утѣшаетъ, что мнѣ есть изъ чего выбрать; ибо на всякія 30000 жителей, навѣрное находится 20 тысячь судей; но естьли ты меня спросишь, найдется ли въ сихъ 20 тысячахъ, хотя 2 десятка мудрецовъ, или лучше сказать, хотя 1 добродѣтельный и знающій судья, то я для рѣшенія сего вопроса, покорно попрошу у тебя дать мнѣ 500 лѣтъ сроку. Впрочемъ, ты изъ маленькаго случая, о коемъ я тебя здѣсь увѣдомлю, и которому я самъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, увидишь, правду ли я думаю.

Послѣдуя предписанію *Діогенову*, вылетѣвъ на землю, вошелъ я въ одну изъ славнѣйшихъ лавокъ Ѳемисы; увѣнчанныя перьями головы судей, съ которыхъ уже давно сошли волосы, дѣлали ростъ ихъ величественнымъ, и хотя толстыя ихъ туловища не предвѣщали судейской заботливости, но впалые глаза, казалось, были у всѣхъ притуплены на чтеніи законовъ. Судейская зала, правда, хотя не соломою, а шелкомъ и золотомъ была украшена, однакожь совсѣмъ тѣмъ, полъ забрызганный чернилами доказывалъ ихъ трудолюбіе; надъ дверьми, на восковой, но сдѣланной подъ мраморъ, доскѣ, Ѳемиса держала слѣдующую надпись:

Хранящій истины уставы,
Законы ты мои внемли:
Не продавай своей расправы,
Не будь здѣсь пьянъ, и не дремли.—

Я едва могъ разобрать сію надпись, для того, что судьи очень жарко топятъ залу, и восковая доска сдѣла-

лась такъ гладка, что почти ни одного слова не было порядочно видно; совсѣмъ тѣмъ, мнѣ это подавало очень хорошую надежду, какъ вдругъ вошелъ въ залу толстой купецъ, который тянулъ за собою бѣднаго человѣка. Разсудите меня съ этимъ негодяемъ, кричалъ сей брюханъ, онъ укралъ у меня изъ кармана платокъ, но ваше правосудіе конечно не допуститъ, чтобъ было въ самомъ городѣ такое намъ утѣшеніе отъ сихъ наглецовъ; и я требую, продолжалъ онъ, чтобъ его осудили вы по всей строгости законовъ. — Судьи нимало не медля приговорили бѣдняка сего повѣсить, и толпа народа нетерпѣливо дожидала уже сего позорища. — Почтенное собраніе, сказалъ тогда судьямъ бѣднякъ, ваша воля ничемъ не можетъ быть оспорима; но не уже ли правосудіе съ начала наказываетъ преступника; а потомъ уже разсматриваетъ существо его дѣла. — Нѣтъ! ваше званіе обнадеживаетъ меня, что вы

конечно благоволите, чтобъ я оправдался.... Чтобъ ты оправдался, сказалъ одинъ изъ нихъ, смотря на солнце, да знаешь ли ты, что уже теперь полдень, и что тебя скорѣе можно повѣсить, нежели выслушать твои оправданія, которыя у всѣхъ преступниковъ безчисленны. — Постойте, сказалъ бѣднякъ, одна минута терпѣнія не нанесетъ вреда вашему желудку, и спасетъ несчастнаго отъ строгаго наказанія. Признаюсь, я укралъ платокъ; но скажите, когда вы не желая вытерпѣть двухъ минутъ голоду, хотите похитить у отечества, можетъ быть, полезнаго ему гражданина, то могъ ли я три дни бывъ безъ пищи, не украсть наконецъ сего платка, потеря котораго ничего не стоитъ сему богачу. Знайте, что я никогда не имѣлъ сей склонности, родясь съ способностями къ живописи, которыя подкрѣпя наукою и усовершивъ въ чужихъ краяхъ, возвратился я

назадъ съ успѣхомъ, надѣясь имѣть безбѣдное пропитаніе въ своемъ отечествѣ. Мои картины хотя всѣми были здѣсь одобряемы, но порочили ихъ тѣмъ, что онѣ не были *Ангелесовы*, *Рубенсовы* и *Рафаэловы*, или по меньшей мѣрѣ не были иностранной работы, и для того никто не хотѣлъ ихъ имѣть въ своихъ галлереяхъ. Это меня лишило бодрости, предало унынію и повергло въ отчаяніе и нищету, такъ что я не имѣя никакой надежды поправить свое состояніе, имѣя престарѣлыхъ родителей и малолѣтныхъ сестръ на своемъ содержаніи, на которое при нынѣшнихъ обстоятельствахъ и дороговизнѣ истощивъ все, что имѣлъ, и самъ наконецъ умирая съ голоду, принужденъ былъ сдѣлать сіе преступленіе. И такъ, разсмотрите теперь; я ли виновенъ, что по необходимости прибѣгнулъ къ пороку; или вы, гнушающіеся художествами вашихъ соотечественниковъ? Я ли, который старался

въ своемъ отечествѣ поравнять вкусъ живописи со вкусомъ другихъ народовъ; или вы, платящіе мнѣ за то неблагодарностію? Наконецъ, я ли, который собою подкрѣплялъ надежду своихъ художниковъ, имѣть со временемъ въ нашемъ отечествѣ *Мишель-Анжеловъ;* или вы, которые своимъ нерадѣніемъ и презрѣніемъ погашаете въ нихъ весь жаръ къ трудамъ и усовершенію ихъ дарованій? — Судьи признавались, что онъ изрядно говорилъ, и могъ бы по краснорѣчію быть хорошимъ стряпчимъ; но какъ они не знали ни *Мишель-Анжелова*, ни *Рафаелева* и не понимали о живописи, то изъ всѣхъ его словъ замѣтили только то, что онъ признался въ кражѣ, за которую законъ наказывалъ висѣлицею; въ слѣдствіе чего и не хотѣли отмѣнить своего приговора; нѣкоторые только изъ сожалѣнія хотѣли, что бы вмѣсто висѣлицы отрубить ему голову, а другіе, боясь петли и топора, приговаривали

засѣчь его до смерти розгами. — Я между тѣмъ удивлялся строгости судей, и признавалъ самъ въ себѣ, что хотя они не совсѣмъ были правы, однакожь порокъ всегда наказываться долженъ, и ничемъ не можетъ быть извиняемъ. Вотъ, думалъ я наконецъ, тѣ судьи, изъ которыхъ, можетъ быть, я выберу надобное число Плутону. — Въ сіе время, когда они еще спорили, какую помилостивѣе положить ему казнь, отворилися двери залы, и вошелъ богато убранный господинъ; всѣ судьи передъ нимъ встали, привѣтствовали его своими поклонами и просили его сѣсть. Бѣднякъ, думая конечно, что это былъ ихъ начальникъ, бросился передъ нимъ на колѣни и просилъ о своемъ избавленіи. — Что стоитъ прощеніе сего бѣдняка, спросилъ съ гордостію богачъ? — Милостивый государь, сказалъ одинъ изъ нихъ, естьли бы этотъ живописецъ былъ въ состояніи заплатить 200 небольшихъ листовъ

здѣшняго золота, то бы не былъ наказанъ; но онъ очень бѣденъ, и для того, мы приговорили было его къ висѣлицѣ, однакожь нѣкоторые изъ насъ, по мягкосердечію своему, присуждаютъ отрубить ему голову, а другіе засѣчь розгами; и вотъ уже полчаса, какъ о томъ у насъ происходитъ споръ, какою смертію его наказать, но еще ни на чемъ не рѣшились. — Вотъ двѣсти листовъ, сказалъ богачъ, подавая оные, отпустите его, и примитесь лучше за мое дѣло; а ты, другъ мой, сказалъ онъ живописцу, подожди меня, мнѣ нуженъ человѣкъ твоего искуства размалевать паркетъ въ моей прихожей. Живописца выпустили, и сей рѣдкой искусникъ, который бы могъ сдѣлать честь своему отечеству, дожидался своего избавителя, чтобъ initи за нимъ рисовать холстъ, для обниранія ногъ пьяныхъ служителей; а судьи, что бы скорѣе приняться за дѣло сего господина, не медля нимало

приговорили къ висѣлицѣ еще десять бѣдняковъ, которыхъ нѣкогда имъ было иногда выслушать. Опредѣленіе о томъ заключили они въ слѣдующихъ словахъ: „хотя сущность ихъ дѣлъ „намъ неизвѣстна, но въ предосто„рожность, что бы другіе не на„дѣялись на оправданіе, повелѣваемъ „всѣхъ ихъ перевѣшать, а разсмо„трѣніе сихъ дѣлъ, отлагаемъ до „предбудущаго засѣданія.„

Кто это такой, спросилъ я у одного изъ стоящихъ близъ меня, который столь щедро выкупилъ живописца, и передъ которымъ судьи такъ благоговѣютъ? — Это одинъ преступникъ, отвѣчалъ онъ мнѣ на ухо, который судится въ нѣкоторомъ похищеніи и грабительствѣ; и вотъ уже лѣтъ двадцать, какъ это дѣло тянется. — Какъ, спросилъ я. и его по сихъ поръ не повѣсили! Развѣ онъ похитилъ меньше, нежели золотникъ мѣди? — Нѣтъ! отвѣчалъ онъ, на него донесено, что онъ

покралъ изъ Государственной казны нѣсколько милліоновъ въ золотѣ и серебрѣ, и разграбилъ цѣлую врученную ему область. — Пропащей же онъ человѣкъ, сказалъ я; его конечно уже замучатъ жесточайшими казнями. — Напротивъ того, отвѣчалъ онъ, онъ уже оправдался предъ правосудіемъ, и это ему стоитъ одного милліона; а чтобъ оправдаться въ глазахъ народа, то онъ дѣлаетъ такіе выкупы, какимъ освобожденъ живописецъ, и взноситъ на содержаніе сиротъ немалыя суммы денегъ, и чрезъ то, въ мысляхъ нѣкоторыхъ людей, почитается честнымъ, сострадательнымъ и правымъ человѣкомъ; изъ доносчиковъ его большая половина перемерли въ тюрьмѣ, а оставшіе завтра утоплены будутъ въ морѣ, естьли только не успѣютъ они подкупить своихъ надзирателей и скрыться побѣгомъ; но я вижу, продолжалъ онъ, что вы недавно пріѣхали на нашъ островъ; поживи-

те-тко у насъ подолѣ, такъ и увидите всего поболѣ. — Но и сего для меня довольно, сказалъ я. Мнѣ удивительно, какъ можете вы жить въ такой землѣ, гдѣ чуть было не засѣкли розгами бѣдняка, не бывшаго трое сутки, за то, что вытащилъ онъ у богатаго купца платокъ; гдѣ прежде вѣшаютъ, подобныхъ ему, нежели разсматриваютъ ихъ дѣла, и гдѣ преступникамъ, обворовавшимъ Государственую казну на нѣсколько милліоновъ, и разграбившимъ цѣлую область, судьи кланяются чуть не въ землю. — Другъ мой, сказалъ мнѣ мой новой знакомецъ, это не такъ удивительно, какъ ты думаешь; въ томъ только вся сила состоитъ, что прежде, нежели хвататься за какое ремесло, надобно оное разсмотрѣть со всѣхъ сторонъ. Сей живописецъ хватился за воровство, но съ самой безчестной и низкой стороны. Естьли бы онъ, напримѣръ: вступилъ съ какимъ нибудь купцомъ въ пова-

рищество, хотя бы то было со мною, то бы ты увидѣлъ, что, подъ моимъ богатымъ предводительствомъ, мы могли бы обманывать тѣхъ, кого не льзя грабить, и грабить тѣхъ, кого нѣтъ нужды обманывать, а совсѣмъ тѣмъ остались бы у всѣхъ островскихъ жителей въ почтеніи; но чтобъ было для тебя сіе понятнѣе, то разскажу тебѣ повѣсть сихъ жителей, которую слышалъ я отъ своего дѣда, а ему разсказывала объ ней покойница его бабушка. — Пристрастіе къ плутовству, есть природное свойство здѣшнихъ жителей, и мои земляки уже давно имъ промышляютъ. Въ старину оно было во всей своей силѣ; но какъ просвѣщеніе начало умножаться, то наши промышленники приняли на себя разныя имена, первостатейные сдѣлались *старшинами* и *законниками*, другіе *купцами*, а третьи *ремесленниками* и *поселянами;* но перемѣня званія, жители не перемѣнили своихъ склонностей, и плу-

товство никогда столько не владычествовало надъ ними, какъ по сей перемѣнѣ, такъ что наконецъ претворилось оное въ совершенный грабежъ, которому однакожъ даны самые честные виды; одно только старое воровство запрещено, а въ прочемъ, кто чемъ болѣе крадетъ, тѣмъ онъ почтеннѣе; опасно лишь тому, кто въ семъ хранитъ умѣренность: украденное яблоко можетъ стоить головы, а милліоны золота принесутъ уваженіе. — Такъ по этому, сказалъ я, никто не можетъ имѣть никакихъ собственныхъ своихъ выгодъ, потому что вы другъ у друга только что перекрадываете? — Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, *мастеровые* имѣютъ нѣкоторые только способы къ плутовству, *купцы* въ десятеро того больше, а *законники* и *старшины* употребляютъ всѣ средства и способы къ своему обогащенію, и для того всѣ купцы и мастеровые спараются у насъ разбогатѣвъ купить себѣ

между судьями скамейку; отъ чего произошло, что нынѣ у насъ съ лишкомъ во сто разъ больше судей, нежели было прежде. — Представь, любезный *Маликулимулкъ*, каково было мое удивленіе, услышавъ о столь развращенныхъ нравахъ сихъ островитянъ. Я было не медля хотѣлъ уже отправиться на Сѣверъ, по совѣту *Діогенову;* но любопытство, а паче нѣкоторый лучь надежды, что между такимъ множествомъ судей, можетъ быть, сыщу я трехъ знающихъ и добросовѣстныхъ, удержали меня нѣсколько на семъ островѣ. Поставшись съ моимъ знакомцемъ, лишь только успѣлъ я выйти на улицу, какъ встрѣтившійся со мной разсерженной человѣкъ, державшій въ рукахъ своихъ бумагу, просилъ меня просмотрѣть, какова его челобитная, которую подавалъ онъ на нововышедшую въ свѣтъ Сатиру. — Государь мой, отвѣчалъ я ему, я не знаю ни Сатиры ни вашего дѣла. —

О сударь! сказалъ онъ, это дѣло требуетъ непремѣннаго опимщенія. Сатира эта написана на рогоносца, а жена моя точно доказываетъ, что это на меня; послѣ чего подалъ онъ мнѣ свою челобитную, съ которой копію, какъ любопытную вещь, къ тебѣ посылаю.

Судей собраніе почтенно,
Внемли Пінпа жалкій гласъ,
И разсуди ты непремѣнно,
Съ Сатиромъ негодяемъ насъ;
Онъ смѣлъ настроить дерзску лиру
И выпустить во свѣтъ Сатиру,
Гдѣ онъ рогатаго браня,
Назвалъ глупцомъ его безбожно,
Женажь моя, твердитъ неложно,
Что это пасквиль на меня
Второе, онъ сказалъ нахально,
Что въ семъ рогатомъ чести нѣтъ,
Хотя признаться, непохвально;
Но это точно мой портретъ.
А третье, тотъ его рогатой,
Лишь красть чужое тороватой,

Не можетъ самъ писать стиховъ,
А вамъ весь городъ это скажетъ,
И всякой стихъ мой то докажетъ,
Что я и былъ и есть таковъ.
Прошужь покорно накажите
За пасквиль моего врага,
И впредь указомъ запретите
Писать Сатиры на рога.

Можетъ быть, любезный *Малхиллицкій*, послѣ увѣдомлю я тебя, чемъ эта странная тяжба кончится.

Конецъ первой части.

Полный комплект

4 части.

ДОЧТА ДУХОВІ

1 · 2